Попаданка по обмену, или Альма-матер не нашего мира

Автор:
Надежда Мамаева

Попаданка по обмену, или Альма-матер не нашего мира

Надежда Николаевна Мамаева

Рина Гиппиус

Волшебная академия (АСТ)

Учеба по обмену – дело хорошее. А если обмен не на земной университет, а на магическую академию из другого мира? Да и одногруппники – те еще подарочки? То драконесса каверзу подстроить норовит, то эльф презрением обольет, а нефилим вообще откровенно насмехается. А тут еще и покушения. В их свете загадочный и нездоровый интерес к скромной персоне студентки с земли становится крайне подозрителен…

Надежда Мамаева, Рина Гиппиус

Попаданка по обмену, или Альма-матер не нашего мира

Авторы сердечно благодарят:

Тину – за помощь при выходе из тупиков,

Марину – за психологическую разгрузку,

Анну – за внимание и терпение,

Наталью Васильевну – за быстроту реакции

и дорогих читателей – за поддержку.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Н. Мамаева, 2016

© Р. Гиппиус, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Пролог

«Господин Фрейнер!

Сим письмом уведомляю, что не позднее чем через десять дней вы будете мертвы, ибо история ваша написана подлостью, коварством, слезами, отчаянием и сломанными судьбами невинных. За чернила, которыми вы заполняли летопись своей жизни, придется заплатить собственной кровью. Не прощаюсь, а лишь желаю скорой встречи.

Ваш палач, который всегда рядом»

Мужчина еще раз перечитал письмо и, скомкав его, бросил в полыхающий камин. Холодные бисеринки пота, выступившие на висках, лучше любых слов говорили о состоянии адресата. Вот только он не мог знать, что его убийца отмерил срок гораздо меньший, чем говорилось в послании, как и не мог предположить, что его смерть станет началом удивительной истории.

Глава 1

Все начинается с согласия

Рина

Я брела по мостовой, холодный дождик шел со мной. Он капал через зонт, заставляя ежиться. На календаре было лето, у погоды – осень, в душе – зима. Виною вьюжных настроений являлась практика и незачтенный отчет, связанный с ней.

На биофаке, где, собственно, я и обучаюсь последние три года, преподаватели есть разные: строгие и снисходительные, молодые и с седой окладистой бородкой, а есть Кабан. По паспорту он же Кабанцев Виталий Игоревич – зараза редкостная. И нет чтобы просто нудный, зацикленный на своем предмете. Тут другое: он жуткий женоненавистник. Из тех, что считают – место женщины у плиты с дитем на руках, а в голове у нас наличествуют только сериалы. Получение же серьезных профессий – удел мужчин.

Руководство кафедры и декан факультета знали об этой проблеме, но поделать ничего не могли или не хотели. Научных-то заслуг у Кабана немало.

Как результат – из шести девушек зачет получили только две, и то выше тройки им не поставили. А мне тройка в дипломе ну никак не нужна, поэтому на сентябрьском горизонте маячила еще одна пересдача.

Резкий порыв ветра выгнул спицы зонта, бросив в лицо стылые капли. Зайти в магазин, что ли, переждать немного?

Приветливые двери супермаркета радостно разъехались в стороны. Светло и тепло, а еще суетно и рекламно. В глаза сразу бросилась растяжка: «Магия – это не чудо, это – повседневность», и изображение красотки с волшебной палочкой у

плиты, на которой жарится ну очень аппетитная курочка.

Усмехнулась. Правительственная программа в действии, чтоб ее! Это началось пару лет назад… Сначала стала замечать: по телевизору в новостях репортажи о войнах, неутихающих в ближнем и дальнем зарубежье, все чаще подменялись подборками на тему научных открытий, мусолили теорию Эйнштейна о сжатии пространства и времени. Детективы потеснила научная и просто фантастика, разрослось число кабельных каналов о неизведанном. Я особо не задумывалась, к чему бы это, пока однажды новость, синхронно произнесенная тысячами дикторов на разных языках по всей планете, не заставила прилипнуть к экранам, мониторам, планшетам абсолютно всех зрителей. Смысл был прост и ясен: началось совмещение двух миров.

Официальные лица, дабы народные массы не волновались, заявили, что первые контакты состоялись еще чуть ли не полвека назад, цивилизация дружественная, и мир, грань реальности с которым будет постепенно истончаться, переживал такое уже несколько раз. Вот только была одна проблема. По прогнозам ученых – мир, с которым предстояло слиться, был… магическим, в отличие от нашего мира, техногенного. Да и к тому же населяли его оборотни, эльфы, драконы, демоны и прочие иные. Утешало лишь то, что процесс слияния будет протекать не одну тысячу лет и начнется с образования небольшого перешейка где-то на Эфиопском нагорье. Со временем «зона слияния» будет разрастаться, пока не достигнет площади всей планеты, ну а пока этот круг не больше метра в диаметре. Как-то так.

После такого заявления были массовая паника, правда, быстро утихшая, пикеты экзальтированных девиц под общим лозунгом «Хочу в попаданки» и сжигание чучела Саурона. При чем тут бедный герой Толкиена я так и не поняла. Со временем народ пришел в себя, свыкся с мыслью, что когда-нибудь миры объединятся (с тем, что солнце через миллиард лет погаснет человечество же уже свыклось), и началась правительственная пропаганда соседнего мира. В том числе и такими вот плакатиками. Бездарная пропаганда, на мой взгляд. Народ на агитацию не поддавался, предпочитая обходиться по старинке техникой, а не амулетами, которые пылились на полках магазинов, хотя цена за них – чисто символическая.

Товар с биркой «жар-камень» был не востребован, в то время как его технический коллега – обогреватель, расходился на ура прошлой зимой. Но правительство не унывало, пытаясь приобщить упрямое население к прелестям

магического мира. Кстати, выходцы из последнего периодически мелькали на экранах, повышая рейтинги каналов и пугая народонаселение. В остальном наш мир несильно изменился после этого заявления.

Так же было, наверное, когда впервые объявили, что над Антарктидой озоновая дыра… Испугались сначала, а потом – ну дыра и дыра, подумаешь. Растет, не над нашими же головами, над пингвиньими. И ушло знание на околотки памяти.

Намного больше меня сейчас, например, волновал зачет.

В сумке смартфон запел об отчаявшемся el mariachi голосом Антонио Бандероса. Пока рылась, извлекая трындозвон, перелопатила всю сумку, нырнула рукой в дыру, незнамо как образовавшуюся в подкладке, и все это зажимая под мышкой мокрый зонт. В результате, когда нажала на дисплей и поднесла телефон к уху, настроение у злой и мокрой меня было ниже плинтуса. Радостный голос сестренки лишь усилил раздражение.

– Привет, нам надо с тобой поговорить не по телефону. Когда дома будешь?

В этом вся Рина. Сразу и по существу, без расшаркиваний. Милая девушка, чей задорный голос, звучавший из динамика, так контрастировал с окружающей действительностью – моя сестренка и звезда по совместительству. Не вру, действительно звезда. Ее в двадцать считают лучшей фигуристкой страны, а может, и всего континента. В последнюю олимпиаду она взяла два золота: в командном и индивидуальном зачетах. Первые шаги мы с Риной на льду делали вместе, но в четырнадцать лет я на тренировке неудачно упала. Операция, два штифта. Прыгаю-бегаю, конечно, но нагрузки большого спорта уже не для меня.

Потому и разошлись наши пути с сестренкой. У нее Олимп – у меня универ. О чем в принципе я ни капли не жалею. Обычная жизнь тоже имеет свои прелести: не надо выжимать из себя сверх, тренироваться с потом и кровью, бояться не оправдать ожидания целой страны.

Питер с его дождем, набережная лейтенанта Шмидта по утрам и после пар, съемная квартира в многоэтажке под крышей с вечно неработающим лифтом. Приветливая улыбка, которую натягиваешь помимо воли с утра до вечера, когда работаешь официанткой в небольшой кафешке, что расположилась в Кадетском

переулке.

Самостоятельность дает права и накладывает обязательства. Помню, три года назад рьяно отстаивала перед родителями право поступить на факультет, который мне нравится. Поступила, и что толку? К третьему курсу все же поняла, что биология – это интересно, но экономика – это денежно. Может, роль сыграло еще и то, что родительница поставила условие: учишься, где хочешь, живешь самостоятельно, но на съем жилья будь добра зарабатывай сама. Нет, помогать мама с папой помогали, но именно что помогали, а не тянули на себе и не душили опекой.

Звонок сестры не то чтобы был совсем уж неожиданностью – проездом она останавливалась у меня часто, тем более сестра числилась студенткой того же вуза, где и я училась. Вот только на спортфаке и на заочке, где только числилась, – студентам-спортсменам, участвующим в международных соревнованиях, делали поблажки. Поэтому Ринка приезжала в основном к сессии – обозначить свое присутствие. А очередное «свидание по учебе» у нас должно было состояться не ранее чем через несколько месяцев. Значит, что-то случилось.

Зашла в квартиру. Меня сразу же окружили ароматы свежесваренного кофе, жареного и сдобы. Сестренка постаралась, значит, будет чего-то просить.

После того как я была напоена-накормлена, Ринка приступила к атаке. Жалобный взгляд кота из Шрека, несчастное выражение лица…

– Мамилючик, выручай!

Уже и не помню, откуда взялось мое семейное прозвище, наверное, еще с ползунковой эпохи, когда плохо выговаривала слова, но, если Ринка о «подпольной кличке» вспомнила, – дело швах.

– Помоги, пожалуйста.

– А чем конкретно?

Обрадованная сестренка продолжила:

– Нужно меня заменить на одном мероприятии… – По-видимому, она что-то увидела на моей моське, ибо сразу же затараторила, словно боясь, что я оборву ее на середине и она не успеет проговорить все до конца: – Мне приглашение прислали, в академию, по обмену на два месяца как раз… а я не могу, у меня сборы, да и с мамой Владика на следующей неделе знакомиться иду. Потенциальная свекровь как-никак.

Из всего сказанного (уж таково свойство женского мозга, может, не всякого, но моего точно) я выловила главное.

– Так Владик тебе предложение сделал?

– Ага. – Сестренка просияла. Но потом волевым усилием (так как обсудить это событие ей хотелось неимоверно, невооруженным глазом было видно) Ринка вернулась к основной теме: – Вот я и говорю. Уезжать никак нельзя.

– Ну, прилетишь на самолете, в чем дело-то, – перебила я.

– Из магического мира – не прилетишь. Мне в их академию приглашение прислали. А там через границу не больно-то и походишь туда-сюда. Узнавала уже. От приглашений такого рода при политике нынешнего правительства, сама тоже понимаешь, отказываться не комильфо.

– И как тебе так свезло? – посочувствовала я.

– Обозвали цветом нации. И вперед, с песней. Поэтому выручи, а?

– Как я выручу-то? Приглашение-то тебе.

Рина просияла. Поняла по моему голосу, в котором проскользнули нотки сомнения, что до сдачи моих позиций недалеко осталось.

– Договоримся с организаторами. Делов-то. Какая разница, кто из Камаевых приедет? Меня к тому же тренерский штаб не горит желанием отпускать. А уж если им так нужна фигуристка, то почему не ты? Не разучилась же кататься после травмы? А?

Сестренка послала умоляющий взгляд… Я лишь покачала головой.

Скептик внутри меня с сомнением хмыкнул.

В течение часа я расспрашивала Ринку обо всех деталях задуманной авантюры. Увы, она и сама мало что знала об этой затее. Единственное, что она мне пообещала, – руководство универа пойдет мне навстречу и в плане учебы. А значит, вопрос со злополучным зачетом может разрешиться значительно проще…

Также сестренка пообещала, что с представителями другого мира вопрос о замене решится без проблем. А если не решится, мы же все равно близняшки. Кто там будет разбираться, та Камаева приехала или не та?

Близняшки… это если по генетике. Внешне же мы отличались хотя бы тем, что Рина красила волосы в блонд, завивая кудри, носила мини-юбки и облегающие блузки. Кто-то называл ее Барби, а я предпочитала быть девочкой-весной. Яркой, веселой, жизнерадостной, смешливой… быстрым ручьем, звенящим в половодье.

Я в отличие от сестренки предпочитала темные волосы, челку до глаз, джинсы и футболки.

– А как же… – И я сделала выразительный жест на свой внешний вид.

– Не переживай, – оптимистично махнула на меня рукой Ринка, – это дело пары часов.

Знала бы я, во что ввязываюсь…

Три часа измывательств над моей шевелюрой, хоть и отданной в руки профессионала, примерки одежды стиля «Барби на выгуле», ноголомательной обуви – и нас с Риной не различит даже папа. Мама, подозреваю, все же справится с задачей – опыт нашего ползункового детства никуда не денешь. Две платиновые блондинки. Невысокие, но весьма миловидные.

– Вам так идет смоки-айс! – причитала визажист.

Я же про себя прикидывала, как не навернуться на шпильках, которые в повседневной жизни не носила. Сестренка, в отличие от меня, на «ноголомах» держалась так же уверенно, как и на льду, разве что аксели не выписывала.

В день отбытия сестренки она огорошила меня новостью:

– Понимаешь, тут такое дело… В общем, не успели ту сторону предупредить, что вместо меня будешь ты. Так что вот, держи, здесь паспорт и письмо с приглашением. – Рина протянула мне конверт. – Я в тебя верю, и… спасибо! – Сестренка порывисто обняла меня, и по ее щекам потекли слезы.

Я растерялась. И ни капли не поверила, что не успели. Скорее уж просто не захотели. Небось выдвинули условие – прислать только выдающихся студентов, а не абы кого. Я хоть и училась неплохо, но такими успехами, как сестра, похвастаться не могла. Вот и сделали рокировку втемную. Даже чуть обидно стало. Ладно Ринка – у нее личные мотивы, и отчасти я ее могла понять. Хотя и руководство университета тоже понимала. Вот только от всех этих пониманий стало еще горше…

– Ты не представляешь, как важно для меня, что ты согласилась… Просто миры будут объединяться еще не одну сотню лет, а я живу однажды, и Владик, вернее, его мама. Может, от этой встречи зависит все мое дальнейшее будущее, семейное счастье.

– Да ладно тебе. – Я неуклюже похлопала Рину по спине. – Это ерунда. У меня все равно вроде как почти каникулы, пару месяцев пожить в другом мире, посмотреть на этих самых эльфов, которых по ящику показывают, на магию в действии опять же глянуть – развлекусь одним словом.

Ринка улыбнулась.

– Тогда лады. Удачи. Извини, что не смогу остаться подольше, у меня самолет в Сочи через пару часов.

– Тренируетесь на «Роза Хутор»? – понимающе поинтересовалась я.

– Ага. – Сестренка печально вздохнула.

То, что было сделано в рекордные сроки для олимпиады, уже кое-где давало трещины. Любимый ледовый Ринки в Москве был гораздо лучше и надежнее в этом плане, но тренироваться там по финансам выходило накладно, вот и проводили сборы в менее затратном месте, которое обходилось казне Минспорта подешевле.

Она ушла, а я развернула конверт. «Дата отправления – 29 июня» – значилось в официальном документе.

Глава 2

Вхождение в новую жизнь зачастую оборачивается встречей со старой

Рина

«Идти неприятностям надо навстречу, потому как они боятся лобовых столкновений» – этой жизненной аксиомы я придерживалась в большинстве случаев. Вот и сейчас, стояла с прямой спиной, а в лицо дул муссон, пришедший с каньона голубого Нила. Зеленая долина, простирающаяся внизу, радовала глаз изумрудной зеленью. Воздух гор кристально чистый и потому, дарящий оптическую иллюзию близости предметов (которые в реальности находятся гораздо дальше), кружил голову. Я дышала и не могла надышаться. Судя по всему, мои спутники тоже.

Нас было немного – всего шестнадцать человек. Не золотая молодежь, но и небезызвестные: четверо спортсменов (включая и Ринку, которую я заменяла), трое музыкантов, двое художников (этих ребят мечтали переманить к себе преподаватели Строгановки и Стрелки, уверяя, что незачем им прозябать в нашем вузе), один компьютерный гений (по внешнему виду в этом качке и не заподозришь, что его основной талант – разработка систем безопасности), пятеро победителей студенческих олимпиад, в том числе и международных (ради интереса узнала, что по естественным дисциплинам, – видно, в фаворе были физики, а не лирики) и один парень, чью принадлежность к какому-то

определенному направлению я не определила. Вроде бы обычный студент, но в нем присутствовало что-то от королевской кобры. Даже не знаю, как точнее выразиться, но от него разило знатностью и породой за версту. Компания небольшая и разномастная. Да и повезло мне – знакомых в земной делегации не оказалось.

Ах да, присутствовал еще сопроводитель, в обязанности которого вменялось встретить нас в аэропорту, так как прилетели мы из разных стран, и доставить до стыка миров.

Граница оных рисовалась в моем воображении то некой воронкой, то проемом, наподобие дверного, заполненного светом, то облаком. На деле все оказалось гораздо прозаичнее – словно посреди плато надули большой мыльный пузырь, из тех, что полусферой соприкасаются с плоской поверхностью. Внутри его был совершенно иной пейзаж: густой ельник, сумрачный и отталкивающий, меж вековыми разлапистыми обитательницами оного вилась узкая тропинка. Единственное, что дисгармонировало с таежным антуражем, так это травяной ковер. В обычном хвойном лесу такой ковер слагает кислица, яснотка и опад; здесь же мохнатые красавицы вгрызались корнями в дерн плато: эффект слияния миров в действии.

– Еще раз хочу подчеркнуть, что вас выбрали не только потому, что вы к своим годам успели достичь определенных высот, – торжественно произнес наш сопровождающий. – Нашими иномирскими коллегами была оценена ваша ДНК, хотя на их языке это называется врожденными способностями, и по ряду генов установлено, что вы имеете предрасположенность к управлению энергиями.

Мужчина вздохнул, протер пенсне, придававшее его образу и солидность, и определенный шарм (без этого атрибута он был больше похож на клерка средней руки), и еще раз окинул нас взглядом.

– Пожалуйста, выберите себе пару и встаньте в колонну по двое, – скомандовал сопровождающий.

Я переложила дорожную сумку в левую руку и обратилась к ближайшему от меня «коллеге по счастью». Им оказался, кстати, тот самый компьютерный гений.

– Не возражаешь?

– Еще бы я возражал, – плутовато улыбнулся он, подставляя локоть.

Встав парами друг за другом, мы начали проходить через тонкую грань, памятуя об инструкциях сопровождающего: «Через барьер проходим вместе. Не удивляйтесь, что сразу, на объединенной площади, нас никто не встретит, как выйдем с территории слияния и попадем в сопредельный мир – там-то нас и будет ожидать второй сопровождающий, который выдаст сразу два амулета: транслингву и иммунозащитный».

Про себя вздохнув, как перед прыжком в воду, я шагнула через грань, загадав: «Пусть начнется маленькое веселое приключение».

Вердж

Студент лежал на кровати, невидяще уставясь в потолок. Его голова жутко раскалывалась. Он пребывал в типичном состоянии того, кому доводилось встретить утро в компании господина Похмеля.

«И ладно бы это был первый опыт посиделок за рюмкой чая с будущими коллегами от магии» – рассуждала жертва коварного первача.

Мыслительная работа сразу же отзывалась болью в затылке. К тому же ситуация усугублялась еще и отсутствием противопохмельного зелья под рукой, которое Вердж опрометчиво забыл заранее подготовить – понадеялся на то, что он «свою меру знает». Как оказалось, эта самая мера находилась вблизи отметки: «упал – значит, хватит».

Страдалец осмотрелся: кто-то все-таки побеспокоился о нем заранее – на тумбочке стоял стакан с рассолом. Он выпил и почувствовал, как жизнь постепенно приобретает краски. Даже память стала работать почти как надо – Вердж вспомнил, что безбожно опаздывает на заседание ученого совета студенческого актива.

На повестке оного значилось мероприятие, курируемое не только руководством академии, но и правительством. А вот какое именно мероприятие, парень упорно не помнил. Все же рассол чудодейственным не был, и память в полной мере не вернул.

Натянув наспех мятую рубаху, благо не наизнанку с первого раза, и приведя себя в относительный порядок, Вердж выскочил из комнаты.

В коридоре он столкнулся с Дерниэлем – таким же активным дегустатором хмельного напитка, как и он сам. Вчера началось все с «Бурого мишки» – коктейля, в котором один к одному смешивали пиво и гномий самогон. Выпив глоток, доливали до краев самогоном и так до того момента, когда в стакане жидкость не станет прозрачной, как слеза.

Вердж окинул взглядом эльфа и скривился: они с этим длинноухим друг друга терпеть не могли. Вчерашний вечер не в счет – веселая компания и большое количество выпивки сближает. А повод «погудеть» был самый что ни на есть стоящий – начало учебного года. Практически все старшекурсники, как и положено в любом из миров, проигнорировали торжественную линейку в честь начала учебного года. Вместо этого скучнейшего сборища они отправились в таверну «У дядюшки Орика».

Дальше пресловутая память отказывалась преподносить Верджу подробности.

Дерниэль осмотрел своего недруга, хмыкнул и прошел мимо. Еще бы – он-то как целитель похмельем не страдал и выглядел поутру как стеклышко.

Единственное, от чего эльф испытывал дискомфорт в данный момент – назойливое внимание двух прилипчивых, посильнее морового поветрия, девиц. Память сжалилась над Верджем и преподнесла парочку сцен со вчерашнего вечера. М-да, «Бурый мишка» – вещь сильная, но не надо было его запивать сомнительной бормотухой, которую хозяин таверны гордо извлек из-под прилавка с комментарием: «Моя фирменная!» Дерри, в первое время воротивший нос, под конец вечера тоже споро полировал «Мишку». Результат – вот эти странные барышни, непонятно как оказавшиеся в мужском общежитии, требовали продолжения банкета.

Теперь уже Вердж откровенно насмехался над эльфом. Некромант, в отличие от Дерниэля, сколько бы ни пил, всегда умудрялся ловко отшивать таких вот «прелестниц». Смазливому ушастику вчера повезло меньше. К тому же надо было как-то выпроводить девиц. И если провести их с собой мимо бдительного коменданта удалось, то вот выставить без последствий с любой стороны… Впрочем, это проблемы эльфа. С которыми он, к сожалению Верджа, все же справился.

На заседание Вердж почти не опоздал. Он приземлился на свободное место как раз под приветственную речь проректора:

– Как вы все знаете, нашей Академии предоставлена почетная обязанность принимать студентов по обмену из университета сопредельного мира. Одна из таких делегаций прибудет через неделю. За оставшееся время нам необходимо должным образом подготовиться к этому. Программа разработана уже давно, и смысла менять ее в угоду иномирянам нет. Осталось только назначить ответственных. Разумеется, в целом курировать буду я, но мне необходимы помощники, поэтому вы и приглашены сюда.

Раздался слаженный вздох. Никому из присутствующих студентов не хотелось становиться няньками при иномирцах, которые вечно из любопытства или по незнанию суют нос куда их не просят. А получать за них по шее кто будет?

– Ваша задача: сопровождать делегатов, разъяснять непонятное, ну и в целом облегчать им нахождение на территории нашей Академии.

– Эскорт-услуги какие-то, – проворчал Дерниэль вполголоса.

Вердж, как ни странно, с этим высказыванием был согласен. Ему категорически не хотелось быть мальчиком на побегушках при каких-то непонятных личностях. К тому же у него диплом на носу – какие тут иномирцы?!

– Я прекрасно понимаю ваше нежелание в этом участвовать. Но и вы должны понять – на младшие курсы я не могу положиться в данном вопросе. Они еще и сами толком ничего не знают. Не то что вы. – Если это был комплимент, то должного эффекта он не имел – никто не проникся, и все продолжали сидеть с недовольным видом. Впрочем, проректор на другой исход и не рассчитывал – все же он не первое десятилетие тут работал. И вытащил из рукава главный

козырь: – Те, чьим участием в данном мероприятии я буду доволен, смогут сами выбрать место практики.

Мечта любого студента-старшекурсника – выбрать место практики, а не довольствоваться той рулеткой, в которую превращалось распределение мест. Никто заранее не знал, куда его занесет, – то ли в самое лучшее учреждение, то ли куда-нибудь в захолустье, где и развернуться-то негде. Никакие заслуги и происхождение роли не играли – почему-то было принято полагаться на случайность: кому как повезет. А тут такой шанс! Теперь уже желающих отказаться от такой перспективы не было.

– Ну вот, с этим вопрос решен. Осталось только распределить прибывающих. Каждому из вас достанется по одному гостю. Да и еще – на тот срок, что иномирцы пробудут у нас, вы будете вольны посещать свои занятия по свободному графику.

После окончания собрания всем «кураторам» были выданы личные дела их «подопечных». Вердж взглянул на бумагу. На листе значилось: Арина Камаева, студентка факультета совершенствования тела (особенности межмирового переводчика, не знавшего спортфака), будущий специалист акробатики на льду».

Если бы Марина, а ныне Арина (мама с папой решили дать близняшкам созвучные имена, но Арина почему-то всегда была Ринкой, а Марина – Мамилючик), знала, как транслингва окрестила ее сестренку, долго бы смеялась.

Рина

Место, где два мира уже соприкоснулись, встретило нас неприветливо: комариной атакой, сумраком и колючими лапами хвойных красавиц. Но под ногами вместо опада – каменистое плато нагорья. Ощущения были от этого слегка дикие. Только сейчас начала осознавать, что такое «слияние миров», в полной мере. Хорошо, что это процесс постепенный. Если в одну ночь совместятся два мира – эльф с луком на изготовку в спальне престарелой матроны или дракон на сцене Большого в момент показа очередного «Лебединого озера» это цветочки, а кто-то мог бы и вовсе оказаться

«впечатанным» в горную породу. А так, судя по заверениям ученых, в местах, где слияние может привести к серьезным жертвам, будут предприняты заблаговременные меры: гору подорвут, драконов предупредят, чтобы мигрировали в другое место, эльфов отловят и проинструктируют.

Я скосила глаза на своего нечаянного попутчика: парень рослый, плечистый, серьезный, симпатичный. Последнее импонировало больше всего, поскольку на данный момент кавалера, с которым бы можно было в кино-кафешку сходить, у меня не было. С одним рассталась, вторым обзавестись не успела. Кстати, по поводу «обзавестись»: Дианка, моя подруга и одногруппница, единая в двух лицах, часто подкалывала: «Как это ты так, без запасного аэродрома?» А у меня не получалось смотреть в глаза человеку, врать, говорить «ты мой единственный» и на следующий день бежать на свидание к другому. В общем, по Дианкиному определению, была я девушкой несовременной и непрактичной.

Программист же на роль спутника на время приключений в сопредельном мире подходил как нельзя лучше, во всяком случае, внешне. Да и был откровенно в моем вкусе: в меру накачанный, смуглый, с черными, слегка вьющимися волосами. Не иначе потоптались у него в роду латинос? В воображении я рисовала его с гитарой в руках у костра. Пальцы юноши, нежно перебирающие струны, дарили мелодию удивительной красоты. А что, среди программистов тоже есть романтики! Наверное… Неромантичное восклицание спутника, получившего в челюсть веткой ели, «едрена вошь!», испортило всю атмосферу.

Меж тем короткий переход закончился, и мы «вынырнули» по другую сторону. Что сказать… Мир как мир: драконы над головой не планируют, единороги по лесу не скачут, впрочем, как и вампиры. Обычный ельник. На этот раз с кислицей, ковром хвои, особым влажным воздухом, присущим только лесу, и стоящим невдалеке мужчиной.

Серой хламиды Гендельфа или Дамблдора на нем не было. Остроконечная шляпа или магистерская шапочка тоже отсутствовали. Больше всего встречающий (а это был именно он) напоминал светского джентльмена викторианской эпохи: черный сюртук, замысловато повязанный галстук, не хватало только котелка или цилиндра. Волосы, сверхаккуратно зачесанные на прямой прилизанный пробор, припорошила седина.

Он радушно взмахнул рукой, приветствуя своего земного коллегу, и, подойдя ближе, передал ему связку, как мне вначале примерещилось, бейджиков. Из тех,

что носят на шнурке на груди. При более близком рассмотрении «бейджики» оказались бирками с намалеванными на них двумя рунами. Похоже, это и есть те самые «транслингвы» и амулеты, чтобы мы не подцепили местный «свиной грипп».

После того как на всех нас нацепили «ярлыки», прозвучала приветственная речь встречающего. Больше всего она смахивала на водный инструктаж: «Сюда не ходи, а то снег башка попадет, совсем тупой будешь». Промелькнула мысль: «Интересно, а в наших вузах иномирцев примерно так же встречают?»

Меж тем «джентльмен», закончив монолог, развернулся, предлагая следовать за ним. Наш же земной провожатый скрепил руки в замок и, подняв сию конструкцию над головой (видимо, жест должен был быть ободряющим), потряс ей нам вслед. Вот только мне стало интересно, кого он пытался поддержать: нас, землян, которых ждал мир магии, или уроженцев местного мира, навстречу которым мы дружно топали.

Глава 3

Молодые перечницы и старые перцы

Рина

Наш провожатый оказался человеком неплохим… когда молчал. Единственное, сам он об этом не знал, а потому не прекращал монолог ни на минуту. Судя по озверевшим лицам ребят, идущих рядом, не меня одну достала эта бесконечная ода миру магии: и рас-то у них больше (не чета нам, где одна человеческая), и слияние-то они переживают уже четвертое по счету (кстати, я так поняла, что всякие эльфы, драконы и нефилимы – как раз результат этих самых объединений, а не местная «фауна»), и все толерантно-продвинутые из себя, и прочая, и прочая.

Смысл всего сказанного сводился к тому, что «трепещите, ибо с нами можно и нужно только дружить, а иначе магическим хуком промеж глаз». Сознание тут же нарисовало картину: делегация длинноухих и клыкастиков заслушивает речь о ядерных боеголовках системы «Тополь-М» вперемешку с цитатами из «Великой хартии вольностей» с аналогичной целью – устрашиться и восхититься грозным, но миролюбивым соседом. Мир другой, а законы бытия те же.

Наконец мы дотопали до полянки, трава на которой была то ли выкошена, то ли просто росла не выше ладони. Провожатый соизволил перевести речь на предметы более насущные:

– Это площадка телепортации. Сейчас я создам портал, ведущий прямо во внутренний двор межрасовой академии магического мастерства.

«Эх. Подкачала последняя буква аббревиатуры, – подумала я, – а то так бы была МАМА». Абориген свел руки на уровне груди, опустил голову и что-то забормотал. Между его ладонями начало разгораться сияние. Ни разу не была на полюсе, но почему-то северное сияние мне представлялось именно так: переходы от индиго до пурпура, то моментальные, то плавные. А энергия, или что это было, начала разрастаться, раздвигая ладони мужчины. Было видно, как он с силой удерживает ее, не давая вырваться.

Вдруг он резко раскрыл руки, и из них хлынул чистый свет, который, подобно водовороту, закручивался в тугую спираль по центру поляны. У меня возникла невольная ассоциация с торнадо. Только очень уж стабильным торнадо, который постепенно замедлял свой ход и, наконец, застыл невысоким столбом света.

– Прошу, – жестом фокусника показал на портал наш сопровождающий. – Кто первый?

– В ножку от ядерного гриба? – озвучил кто-то витавшие в воздухе сомнения.

Транслингва, похоже, не справлялась, ибо сопроводитель уставился на нас как баран на бранденбургские ворота.

– Давайте я! Рано или поздно всех ведь туда запихнете. – Последние слова я озвучила чуть тише, но кому не надо – услышал.

По одобрительному кивку аборигена поняла. Да, действительно всех запихнет. Подошла к столбу, перехватила сумку поудобнее и сделала еще один шаг в неизведанное.

Когда свет, оглушивший меня, вдруг исчез, перед глазами некоторое время все еще плясали розовые зайчики. Вопрос: почему именно зайчики, да еще и розовые, обряженные в балетные пачки, – это уже к расшалившемуся подсознанию.

Мелкую брусчатку под ногами не спутаешь ни с чем, даже если стоишь с закрытыми глазами. Главное, чтобы подошва обуви была тонкой. У меня именно такая и наличествовала. Была бы на моем месте Арина, то она бы точно обула шпильки. Ну а я на такие жертвы все же не была готова.

Все еще не поднимая век, сделала пару шагов вперед, чтобы не мешать идущим следом.

Наконец, осторожно приоткрыла один глаз. Я действительно стояла на брусчатке, а передо мной высилась… нет, не громада, но все же. Магическая академия могла по высоте смело сравниться с четырехэтажной хрущевкой.

В глаза мне, некоренной, но все же петербурженке, избалованной барокко и модерном, бросилось сочетание в одном здании готического, романского, восточного и древнерусского стилей, впрочем, вполне гармоничное. Здесь были и зубчатые башни, и цветные витражи, и даже купола. А в целом – яркий, впечатляющий своей красотой дворец цвета обожженного красного кирпича, отделанный белым, и только белым. Балконные балясины, наличники окон, зубчатые парапеты, башенки, высокие дымоходы, флюгеры, пилястры, русты – все было исполнено лишь в этом цвете, придававшем академии торжественный и величественный вид, создавая ощущение некоторой воздушности.

Окна академии были самой разной формы: круглые, арочные, прямоугольные, с каменными и деревянными переплетами. В них был налет старины, что так манит нас, горожан, чей глаз замусолен видами блочных многоэтажек, разбавленных зачастую такими же типовыми коробками муниципальных зданий.

В спину ударил ветер с запахом, какой бывает только на большой воде. Не морской, но похожий. Я обернулась и невольно залюбовалась.

Широкая речная гладь, величественная, несущая буруны по своему руслу. А вокруг осень уже раскинула золотые сети, в которые попались и березы, и липы, и даже дубы. Лишь лужайка, что размещалась между парапетом и брусчаткой двора академии, радовала глаз практически летней, насыщенной зеленью.

Я вновь перевела взгляд на парадный вход академии, над которым наконец-то заметила приветственную надпись, не очень крупную, к тому же намалеванную на белом же полотнище. Оная гласила: «Приветствуем делегацию с Земли!» Рядом с восклицательной руной (хорошие все-таки транслингвы, не только устную, но и письменную речь переводят) красовались чьи-то… подштанники?

Засмотрелась на сие приветствие и сразу же поплатилась за это: мне в спину все же врезался кто-то, едва не сбив с ног.

После того как наша группа выбралась из портала, а последним вышел сопровождающий, свернувший после этого переход, мы удостоились «церемонии распределения», как гордо ее нарек наш сопроводитель.

Выглядела она примерно так. К нам притопала группа из шестнадцати разной степени помятости студентов академии, сопроводитель развернул свиток и зачитал список:

– Даниил Бондаренко – вашим сопровождающим в нашей академии будет Танганнистра Эрмирранская.

Вперед вышла девушка удивительной красоты и грации. Наоми Кэмпбел отдыхает. Не портил ее даже вертикальный, змеиный зрачок. Парень, названный Даниилом и, насколько помню, являвшийся подающим большие надежды начинающим химиком, сделал шаг вперед.

– Прошу вас. – Приглашающий жест сопроводителя. – Она покажет вам вашу комнату, расскажет об устройстве академии и познакомит…

Тут взгляд сопроводителя зацепился за подштанники.

– Кхм… местные обычаи. И не забывайте, общий сбор в зале академии через три гинка.

Услышав про эти самые «гинки» я слегка подзависла. Выручила транслингва. Она пересчитала эти самые гинки на наше земное время: выходило около сорока пяти минут.

Дальше распределение пошло без заминок. Когда прозвучало:

– Арина Камаева, вам поможет адаптироваться Верджил Мейнс.

Я огляделась. Ну и кто же будет надзирателем?

Вперед вышел парень помятого вида, словно его вчера весь вечер старательно вместо колючки жевал верблюд, но так и не преуспел дожевать да и выплюнул. Он протянул руку и взамен приветствия тихо, чтобы услышала лишь я, произнес:

– Будешь ходить за мной и не отсвечивать. Теряться не рекомендую – тут иногда результаты практических занятий второкурсников шастают по коридорам. Выловить не всегда удается вовремя.

После такого приветствия стало сразу понятно – я ему не понравилась. Не очень-то и хотелось.

Мысленно присвистнула: он бы еще каску предложил надеть и бронежилет и не высовываться из окопа в течение всех двух месяцев, но все же решила уточнить:

– Это ты за результаты переживаешь или за меня?

– За себя. Мне проблемы не нужны. Поэтому не советую их мне организовывать.

Мой адаптист буркнул что-то еще про зал торжественных приемов, куда нам следовало пройти дальше. Я шла и принюхивалась… в воздухе витал аромат, весьма характерный. Похоже, у кого-то вчера выдалась веселая ночка, и жажду знаний этот конкретный студиозус утолял спиртными напитками. Ну, или верблюд не просто его жевал, а закусывал.

Сопровождающий шел молча, явно что-то обдумывая и не обращая на меня особого внимания. Лишь изредка оборачивался, чтобы удостовериться: я не

потерялась и плетусь сзади.

Я, как примерная девочка, следовала за ним, усиленно сдерживая желание наступить этому нахалу на пятки.

– Слушай, а оно тебе вообще надо, торчать на этих вводных лекциях? – вдруг бросил он мне.

– А где мне, по-твоему, следует провести все два месяца? – раздраженно ответила я.

Парень закатил глаза. Потом пару раз сквозь зубы выдохнул, но сумел взять себя в руки и спросил, чуть ли не шипя:

– Неужели так одолела жажда знаний? Или мне попался синий чулок, который, кроме как учебой, ничем не интересуется?

Смерила взглядом это alterego моего личного вузовского кошмара – Кабанова.

Похоже, в моем случае закон подлости работает на совесть и судьба вновь подбросила очередной непрошибаемый экземпляр магического шовинизма. Но ничего, будем исходить из принципа: «если жизнь подложила вам свинью – постарайтесь рассмотреть это как приглашение на шашлычок». Так что сейчас будем жарить.

– А сам-то, смотрю, на захудалого мага и то не тянешь, раз даже морок или иллюзию не смог на себя наложить. – И пояснила: – У тебя такой помятый вид – словно из тебя уже все выжали, а еще ча-ро-дей…

Судя по выражению, промелькнувшему на лице адаптиста, навязанный мне провожатый подавился возмущением: «Ах, ты ж стерва!» Он прищурил глаза, наклонился так, что мне в нос еще сильнее ударил запах перегара, и прорычал:

– Ну, все, ты теперь действительно попала!

Я непроизвольно сморщилась и сделала шаг назад. Противогаз не противогаз, а его дыхание можно использовать вместо зажигательной воздушной смеси.

– Посмотрим.

Я коварно улыбнулась фирменной улыбкой девушки из группы поддержки и откинула полу жакета так, что еще чуть-чуть, и будет уже совсем неприлично.

Верхние девяносто, коими по праву гордилась, на мгновение привлекли внимание спутника. Мне этого и было нужно.

Подножки тем и хороши, что их заметить трудно. К тому же никакой магии не требуют. Уже предвкушала полет этого «стрижа», но мой провожатый не причесал носом пол. А жаль! Завис в сантиметре… Заклинание, наверное, какое-то свое применил.

– И все же способности к магии у меня есть, – как бы невзначай задумчиво заметила я, не обращаясь ни к кому конкретно, – старшекурсника на раз почти уложила…

Парень принял вертикальное положение, аккуратно стряхнул несуществующую пылинку с плеча и нарочито спокойно произнес:

– Совершенно зря. Пребывание здесь ты себе совершенно не облегчила.

Напоследок одарил меня улыбкой, больше похожей на оскал, и потопал дальше, теперь уже не оглядываясь.

Я шла за этим мерзким типом, пытаясь не отстать от него, да еще и успеть разглядеть хоть что-нибудь из окружающего. Но глаза упорно возвращались к моему сопровождающему.

Со спины выглядел вполне симпатично. Да, темные волосы взлохмачены; да, одежда не шибко глаженная, зато фигура – вполне себе. Высокий, широкоплечий. Вот на эти широкие плечи я и засмотрелась, пропустив момент остановки, и впечаталась носом в лопатки парня. Есть у накачанных людей один минус – смотреть на рельеф мышц хорошо, но вот врезаться в них с разгону… Жирок, он помягче как-никак.

– Вот же черт! – прошипела я.

– Это еще кто? – удивился провожатый.

– Представитель нашего земного бестиария, – буркнула я. – Чего остановился-то?

– Мне же тебе вроде как надо рассказать, куда мы направляемся, потом произвести экскурсию… – без особого воодушевления произнес он. – Может, все-таки ты тихо посидишь у себя?

– Не дождешься! – уже из вредности ответила я.

Этот Вижул, Вежал… Все никак не запомню. В общем, этот на букву «В» скривился так, как будто лимон съел.

– Слушай, а можешь повторить, как тебя зовут? – решила я добить его.

Теперь парень уже побагровел. Боже, какая палитра красок – астраханская помидорка в собственном соку.

– В-е-р-д-ж-и-л, – по буквам произнес он.

На всякий случай решила записать. А то мало ли что… девичий склероз, например.

Верджил наблюдал за мной с уже нескрываемой злостью. А я еле сдерживала хохот.

– В общем, так! – выкрикнул он. Я даже вздрогнула. – Сейчас идем в зал торжественных приемов, потом довожу тебя до женского крыла общежития. Там, надеюсь, сама справишься?

Мне пришлось кивнуть. Такой Верджил пугал. Казалось, еще чуть-чуть, из его вдруг потемневших до цвета предгрозового неба глаз посыплются молнии.

– Сейчас идем на вводную лекцию, а после – в общежитие. Там тебе на сборы и распаковку чемодана – четыре гинка, по истечении которых будь добра выйти на крыльцо. Все понятно?

– Ага. Можно вопрос? – Пришлось нацепить милую улыбку на лицо. Говорят, с душевнобольными так и надо – предельно спокойно и доброжелательно. Верджил кивнул так, как будто делает мне великое одолжение. – А ты в чем специализируешься?

– В некромантии.

Как-то резко перехотелось задавать еще какие-то вопросы. Потому как некроманты ассоциировались у меня с земными патологоанатомами. Наши «посмертные хирурги» хоть ребята и ничего, но уж больно юмор у них специфический и циничный. Был у меня один знакомый – работник морга. Он как-то рассказывал, как шутили у них в меде: в морге отрезали как-то одному из трупов причинное место и купированный член подкинули в сумочку одной из одногруппниц. Думали – завизжит. Но будущий хирург оказалась девицей с железными нервами. Открыв ридикюль и заглянув в него, извлекла «подарочек». Повертев в руках находку, она обратилась к мужской части группы со словами: «Мальчики, кто забыл?»

Эту историю знакомый рассказывал ухахатываясь. Я же, представив себя на месте «счастливой обладательницы» мужских гениталий, поняла – завизжала бы не хуже пожарной сирены, как пить дать… Так что если этот Вердж хоть отчасти похож на наших ребят-медиков, нужно постараться либо его не злить, либо быть готовой к подобного рода шуточкам.

Так в тишине мы и добрались до того зала.

По-нашему, это и впрямь был обычный актовый зал, хотя на порядок торжественней. Народу тут было не так и много, но чтобы добраться до места, где виднелась табличка с моим именем, пришлось потолкаться. Это мне. Потому как рост, идеальный для фигуристки, – метр пятьдесят. Если больше – центроваться на больших оборотах тяжело. Мой был почти идеален по этим параметрам – метр пятьдесят восемь. А вот в обычной жизни – полтора метра недоразумений, не иначе. Сестра потому и не расставалась со шпилькой. Я же предпочитала кроссовки – ну и пусть, что в толпе не видно, зато удобно.

Оглядев толчею, через которую предстояло пробраться, лишь усмехнулась, вспомнив ежедневную утреннюю давку в метро или сражение за попытку ввинтиться в маршрутку, когда все дружно едут с учебы и работы.

Сталинградская битва и Бородино – вот самые точные определения сражения пассажиров общественного транспорта в час пик. Так что опыт просачивания через толпу у меня имелся, и весьма внушительный.

Моего сопровождающего пропускали без каких-либо проблем. Стоило только взглянуть в его мрачное лицо, как оказавшиеся на его пути тут же ретировались.

А дальше была нудная и скучная приветственная речь в том же стиле, что и ранее. Не зевала я только благодаря своему воспитанию. Вот мой сосед пользовался тем, что никто не обращает на него внимания, и преспокойно дремал. Почему-то на ум пришло сравнение с бывшим президентом – Медведевым. Тот тоже мирно проспал как открытие, так и закрытие Сочинской олимпиады. И никто даже слова ему не сказал. Этого Верджа, судя по реакции местных студиозусов, тоже за сей саботаж ни словом не упрекнут.

Окинула его еще раз взглядом. Спящий, он показался мне намного симпатичнее, хотя его вид в отличие от бодрствующего варианта был более… замученный, что ли. Вердж дернулся во сне, но глаз так и не открыл. И это даже часа не прошло с момента нашего знакомства.

Прислушиваться к произносимому со сцены каким-то крылатым бледным, раскормленным, как моль на норковой шубе, типом, являющимся то ли проректором, то ли еще какой-то шишкой (должность его я, разумеется, проворонила), я начала только когда он стал рассказывать о том, чем же мы тут будем заниматься. Как оказалось, основами магии. Я даже слегка опешила.

– У вас есть уникальная возможность попробовать себя на этом поприще! Вдруг кто-то из вас обладает задатками великого мага? – воодушевленно вещал молеподобный. – Поэтому наша задача – помочь каждому из вас открыть в себе скрытый потенциал и по возможности реализовать его.

Нет, конечно, Аринка говорила, что нас познакомят с этой самой магией. Близко познакомят. Но что настолько близко… Я на это не подписывалась. Хотя куда теперь с подводной лодки?

Так и представила себе: сижу, феячу помаленьку. Превращаю черную тоску в белую горячку… Хотя нет, с этим и самогон справится. Надо что-то по-

настоящему волшебное: жабу в принцессу, и наоборот, например. Ехидное подсознание тут же выдало, что наоборот – можно и без волшебной палочки: принцессы после года семейной жизни в жаб сами могут обернуться, особенно если все слуги разом исчезнут…

Призадумалась: а что вообще такого может магия, чтобы наша цивилизация не смогла добиться техникой? Если не сейчас, то в будущем? Эта мысль плавно перетекла в другую: «список моих желаний, которые можно осуществить с помощью этой самой магии». Перечень получился настолько внушительный, что, озвучь я его, у феи бы точно сломалась волшебная палочка, золотая рыбка бы сдохла, а Хоттабыч бы вообще побрился. Пока блуждала в мыслях, спич молеобразного мужика закончился, и народ начал расходиться. Мой провожатый тоже проснулся и, со смаком потянувшись, бросил: «Пойдем».

До общежития мы шли в гробовом молчании. Э-э-э, что-то не очень удачное сравнение я выбрала, учитывая специальность моей няньки. Искоса на него взглянула: сон на пользу пошел ему не особо. Все такой же мрачный и задумчивый. Надеюсь, он обдумывает не планы моего упокоения. Добравшись до очередного корпуса, Вердж открыл дверь, а потом, буквально впихнув меня в проход и буркнув: «Не опаздывай!», быстро ушел.

Вахтерша женского общежития (а доставил меня парень именно туда), прям один в один была как из нашего мира. Бабуля с недовольным выражением лица и, скорее всего, скверным характером. Вежливостью особой она тоже не отличалась. А может, это местный менталитет такой?

– Чего стоишь? – проворчала она. – До коменданта иди.

Если бы я еще знала, где его искать.

– А как до него добраться? – как можно вежливей спросила я.

– Не видишь, чё ль, вон табличка, – указала бабуля скрюченным пальцем на дверь в дальнем конце коридора.

С такого расстояния я и правда не видела, что же там написано. Мысленно присвистнула. Вот это бабуля – зрение получше моего будет. Может, она какая непростая? Еще раз посмотрела на нее. Да нет, вроде самая обычная. Я пожала

плечами и пошла в указанном направлении. Вслед мне донеслось: «Ходют тут всякие, глазеют». Хоть зрение у меня не такое острое, но слух оказался что надо.

На той самой табличке значилось: «Адена Огден. Комендант женского общежития», и буквы такие, огненно-красные. Я смотрю тут это излюбленный цвет. Хотя в данном случае выглядело как предупреждение. У нас в таком стиле обычно на трансформаторных будках пишут: «Не влезай! Убьет!»

Постучала в дверь, не дождалась никакого отклика и приоткрыла ее, заглянув в кабинет.

Вот это женщина! Дородная, раз в пять шире меня, но при этом не лишенная определенной миловидности. Она как царица восседала в кресле за столом. Бросила на меня взгляд исподлобья, как будто смогла просканировать за секунду.

Я даже рта раскрыть не успела, как Адена произнесла:

– Комната номер двадцать шесть. Третий этаж. От лестницы направо. Душевые в конце коридора. В комнате в шкафу постельное белье. Двери в общежитие закрываем за четыре гинка до полуночи. После указанного времени через окна лезть не советую – отбросит на землю варнов на двадцать от стены. А у тебя регенерация паршивая. Все ясно?

Если у меня и были какие-то вопросы, то под таким напором они позабылись. Ну а что такое загадочный варн, мне любезно разъяснила транслингва – это около одного метра.

Я уже собиралась закрыть дверь, как вспомнила:

– А как же ключ от комнаты?

Женщина кивнула на ту самую бирочку, висевшую у меня на шее.

Какая универсальная вещь, однако.

Комнату я нашла без проблем. Обычная комнатка, ничем не примечательная. Светлые стены, правда, кое-где как будто подпаленные. Ну, мало ли, может, студенты практическое задание какое выполняли? Стол, стул и шкаф. А вот последний оказался с секретом – повышенная вместительность. Вот такая магия меня весьма радует. Хоть и вещей у меня немного.

Пока раскладывала свои пожитки по полкам, время пролетело выпущенной из арбалета стрелой. Похоже, на встречу к В-е-р-д-ж-и-л-у (язык можно сломать, пока выговоришь), я уже опаздывала.

Глава 4

Учения, мучения и упокоения

Рина

Схватив сумку и закрыв комнату, я выбежала из общежития. Мой провожатый, он же конвоир, он же труповед-некромантес, ждал на крыльце. Парень излучал довольство человека, залпом съевшего кило лимонов. Верджил подпирал плечом стену с недовольной гримасой, а при моем приближении скривился еще больше.

– Давай ты запомнишь раз и навсегда: я ненавижу ждать. В следующий раз будешь сама искать, где находится учебная аудитория. А если в результате поисков болотная бульба или жмырих кровососущий подзакусят тобой, то виновата в случившемся будешь только ты.

Я не имела чести быть лично представленной перечисленным элементам местной фауны, да и знакомиться не тянуло. Меж тем будущая гроза жити и нежити развернулся ко мне спиной и потопал в одному ему ведомом направлении. Я припустила следом.

Идти оказалось недалеко. Занятие проходили в восточной башне академии. Большая, просторная, светлая аудитория с высокими стрельчатыми окнами,

которые словно стремились вверх и навевали ассоциации с готическими соборами и чем-то возвышенно-великим. Золотистый свет, струящийся из них… не хватало только органной музыки. Вместо нее была суета, так привычная студенческому уху. Перевела взгляд с так понравившихся мне окон ниже, туда, где бурлила академическая суета.

Двое зеленоватых накачанных волосатиков в очках (орки?) увлеченно о чем-то спорили. Замороженный (а вернее, отмороженный – как можно быть таким сомнамбуличным с льнущей к тебе красоткой?) эльф. Остроухий с видом неприступной Брестской крепости взирал на усиленно кокетничающую с ним девушку. Эта особа напомнила мне незабвенную миссис Адамс из одноименной семейки. Вся в темном, с волосами цвета черной дыры и неестественной белизны кожей. Так вот как выглядят вампирши?! Хм, и свет им не страшен… Подсознание ратовало за пролонгированные исследования в данной области, помечая, что еще не испробовано действие чеснока и серебра. Однако больше всего поразил меня один парень: медноволосый, не качок, какие взирают с плакатов фитнес-центров, но статный. Было в нем что-то. Наверное, так выглядели паладины времен крестовых походов.

Он обернулся, поймал мой взгляд и самодовольно усмехнулся. Похоже, стервец знал, какое впечатление производит даже на неромантичных барышень, к коим я себя и причисляла. Эта его улыбочка вмиг разрушила очарование. Ну что же, думаешь, ты идеал?

Скорее всего, парень так и считал, откровенно раздевая меня взглядом и оценивая, как товар на прилавке. Я заметила краем глаза еще несколько жертв его обаяния, взиравших на сошедшего с Олимпа небожителя. Среди них были и нимфа в фривольном наряде, и драконесса, и несколько местных девушек, и даже звезда нашего универа – Юлия Кузнецова, правда, просившая, чтоб называли ее Юшей, напоминала кошку, дорвавшуюся до валерианы. «А фиг тебе, желтоволосик», – подумалось вдруг: моя природная вредность решила выкинуть фортель.

Нацепила на лицо улыбочку идиотки и сделала шаг в направлении блондина, попутно отмечая, как мой провожатый воздел глаза к потолку шепча: «И эта туда же!» Я шла навстречу «паладину». Так спешат к любимому, так плывут навстречу счастью… и когда до парня оставалось буквально два шага, и он уже принял позу победителя, на шею которому сейчас упадет лавровый венок, просто шагнула мимо. Оттеснив «небожителя» рукой, устремилась дальше, к

уже знакомому компьютерному гению, и заключила опешившего парня в объятия.

– Как же я соскучилась. – Фраза звучала по-идиотски, с учетом того, что мы и имен-то друг друга не знали, да и провели вместе, держась за руку, от силы минут двадцать.

– Э-э-э-э… – озадаченно ляпнул будущий Билл Гейтс намбэ ту.

Чтобы он еще чего не сморозил, я повисла у него на шее, шепча: «Подыграй, надо поставить тут одного на место».

За что люблю русских парней, так это за сообразительность. Они порою ленивые, чересчур добродушные, но всегда сообразительные. Вот Попов – лень было писать письма – изобрел радио, Зелинскому лень было нюхать хлор – изобрел противогаз, Королеву лень было придумывать отговорки, по которым он любимой звезду с неба не может достать, – взял и сообразил первую межконтинентальную баллистическую ракету…

Парень не подкачал, шепнув на ухо:

– Меня, кстати, Макс зовут. Помогу.

– Меня Рина, – ответила на автомате.

Макс, приобняв меня за талию, закружил в воздухе. Импровизированный спектакль возымел успех. С медноволосого все самодовольство сошло, словно ведро с водой на макушку вылили. Даже его воздыхательницы недоуменно взирали на только что произошедшее: предпочесть их кумиру обычного смертного?

Вот только кто-то не просто смотрел на нашу сценку, а упорно прожигал меня взглядом. Спиной чувствовала. Не знаю, чем бы все это закончилось, не войди в аудиторию преподаватель.

Его замечание, что занятие начнется через несколько мгновений и пора всем занимать свои места, внесло оживление. Будущие светила магической науки

дружно стали рассаживаться. Приземлилась на первое свободное место. Рядом были еще никем не занятые, и я рассчитывала, что пустующее рядом достанется Максу, но его опередил Верджил со словами:

– За тобой глаз да глаз нужен, а то еще чего выкинешь!

– Да что я такого сделала?

– Что такого? Прошлась отрядом пехоты по самолюбию Лючиния – первого красавца и сволочи академии.

– Не больно-то ты о нем хорошего мнения.

– А какого мне мнения быть о нефилиме?

– О ком?

Верджилу, по-видимому, надоело выполнять роль няньки, объясняющей несмышленышу элементарные вещи, и он просто достал из своей сумки книгу. Раскрыв ее с повелительным: «Читай!» – сунул талмуд мне под нос.

На весьма потрепанных страницах, повидавших, полагаю, не одно поколение студентов, красовалась картинка крылатика с мечом. Под ней был текст, разбитый, как в псалтыре, на две колонки. Вязь причудливых рун, красная буква вначале… прям как в средневековом трактате.

Вчиталась в текст: «Нефилимы – создания, пришедшие к нам из мира двуликой луны, обладают недюжинной силой. Магия, особливо тонких материй, как то: разум, чувства, видения будущего, поддается им гораздо легче, чем любым иным. Оттого велика их способность к убеждению, влиянию и очарованию. Но надобно помнить, что они весьма самолюбивы и злопамятны по натуре. Нефилимы – одни из немногих, для кого понятие истинной пары значимо для продления рода. Живут в среднем 350–400 лет, детей в семье редко бывает больше двух…» Дальше шло описание нефилимского быта. Вот это я удачно попала.

Перевела взгляд за окно, чтобы успокоиться и осмыслить произошедшее. А за стеклом плясала рыжая озорница осень. Незнамо чему улыбнулась. Люблю, и все тут, я багрянец и латунь, что раскрашивают листву.

Единственное: самый главный недостаток золотой поры в ее привлекательности. Уж очень хорошая погода за окном, чтобы сидеть на студенческой скамье, слушая пусть и интересную, но лекцию. Силой воли оторвалась от созерцания реки и берегов, пестрящих палитрой осенних красок. Прислушалась к словам преподавателя. А тема-то интересная, впрочем, как и сам рассказчик.

Лектор – див, уже в летах, но не потерявший стати и величия, расхаживал, потрясая своей иссиня-черной гривой, в которой нет-нет, да и проскакивала седина, выдавая его истинный возраст. Рога, как у матерого архара, мощные, слегка загнутые серпом и длинная, густая борода, с прямым, ничуть не вьющимся волосом делали его уж очень похожим на горного барана. Единственное отличие – преподаватель не пах так, как его парнокопытный двойник. Это не могло не радовать. К тому же черный костюм-тройка придавал виду дива респектабельность и лоск.

Я покосилась на Верджа. Он сидел с видом великомученика, которого еще раз заставляют взойти на Голгофу. В качестве креста, надо подозревать, выступала я. А, ну и пусть, похоже, этот парень из числа тех, кто оценивает женщин по двум средним, а не по двум верхним полушариям. Пусть сидит и мучается.

Меж тем лектор вещал:

– Наш мир, носящий название Дейо, как я уже говорил, за свою историю пережил несколько слияний: первое произошло с Каратисом – миром, населенным драконами и ледяными троллями. Последние были лишь условно разумны и весьма агрессивны и вымерли вскоре после объединения миров.

«И я даже подозреваю, что этому весьма поспособствовали», – мысленно довершила предложение лектора.

– Второе, – меж тем продолжал див, – с Шиангером, населенным нефилимами, орками, гоблинами, вампирами. Из этого мира в Дейо также пришло большинство современной нечести и нежити. Ее и по настоящее время усиленно истребляют боевые маги, которых выпускает наша академия. Третий мир, Сувин

– родина эльфов, дриад, вашего покорного слуги – дива, – тут лектор поклонился, – и дивного народа.

Так, это уже транслингва, похоже, постаралась, поскольку на земле к дивным относили фейри-фей и прочих. А лица скривившихся местных одногруппников давали понять, что «дивные» в данном контексте скорее «диво какие сволочные».

– Стоит упомянуть, что после каждого слияния очертания нашей планеты менялись. Так после первого объединения Дейо слагалась из двенадцати материков, после второго – из четырех, ныне мы имеем два материка – Мейрис и Рин-Лаген, на которых разговаривают в общей сложности на восьмидесяти языках.

Я усмехнулась и, не удержавшись, тихо прокомментировала:

– Земля одна, а языков у нас более двухсот тридцати, не говоря уже о малых этносах и диалектах…

Див, зараза, обладал отнюдь не таким тугим слухом, как наши профессора.

– А… наша гостья с Зэмли… у вас двести тридцать языков? И на скольких вы говорите?

На прямой вопрос пришлось отвечать.

– Говорю на двух, понимаю три, – выдала я.

Лектор призадумался.

– А простите, это как?

Сейчас корила себя за то, что вообще заикнулась, но я же русская, а русские не отступают!

– На английском, русском, а матерный только понимаю, а говорить не могу. Я девушка, а девушкам не положено.

За спиной раздался смешок, кто-то из нашей группы иномирцев оценил.

Див, чей пытливый ученый ум получил богатую пищу, тут же вцепился в меня похлеще таежного клеща, проснувшегося после зимней спячки:

– То есть на Зэмле есть язык, использовать который можно только по половому признаку… Интересно-интересно. И какова же его функция?

Вот интересный див! Какова функция матюгов? Просто и доходчиво объяснить, что требуется. Но что же это за мир такой? Как же они ругаются? Наверное, своими жмырями да горгульями, не иначе. Но ответила я совсем другое:

– Этот язык, кхм… похож на заклинания, наверное… скажешь на нем пару слов, и у бригады рабочих сразу рвения прибавляется, да и любое дело спорится. Некоторые так душу отводят…

Макс, слушая, что я несу, пытался не заржать в голос, Юша просто упала лицом на парту, но стоически сдерживала смех.

Аборигены же сидели с заинтересованными лицами. Даже этот Верджил…

Спас меня от альтернативного изложения земной действительности звонок, ознаменовавший окончание пары.

– Ну что же, спасибо за внимание, – подытожил див, – используйте время большого перерыва с пользой. А новичкам я советую познакомиться поближе с нашей столовой. По моим наблюдениям – это самое популярное место среди местных студентов.

Лектор хитро стрельнул на «нянек» своими желтыми, как у сороки, глазами.

Столовая мои ожидания оправдала лишь потому, что от нее я вообще ничего не ожидала. Специфический запах общепита, оказывается, во всех мирах един. Как и дородные поварихи. Зато столы были не чета нашим, универовским. Дубовые, основательные – БТР, конечно, не выдержат, но пляску двух здоровенных ледяных троллей – запросто. Если, конечно, они выглядят так, как рисовало мое воображение.

Вердж, не дав осмотреться, сразу же потянул к раздаче, попутно прихватив со стойки два подноса. Один был торжественно вручен мне. Минуя очередь и игнорируя мое восклицание: «А как же правила?» Впрочем, вереница из студентов тоже недовольства не высказала, и я приняла к сведению, что «закон старшинства» – прародитель дедовщины в академии – крепок.

Мой нянь сразу подошел к поварихе. Дама была зелена, аки болотная жаба. Варево, которое она раздавала, – тоже. Она без слов плюхнула два половника: по одному в тарелки мне и Верджу.

Смотрела на субстанцию, бултыхающуюся у меня в тарелке, и понимала – это я есть не смогу. Скосила глаза на спутника. Он тоже напоминал упыря, которому вместо крови девственницы предложили сок сельдерея.

– Здесь так всегда кормят?

– Нет, просто нам не повезло. День зелени.

Что это такое «день зелени», спутник пояснить не соизволил. Может, это аналог мифического «рыбного дня» в столовых советской эпохи?

Я шла к столику, стараясь особо не глазеть по сторонам, чтобы не споткнуться ненароком. Вдруг на короткий миг в животе что-то сжалось, появилось такое чувство, будто падаю в пропасть, а потом по телу словно прошелся электрический разряд. Коротнуло так, как будто мокрыми пальцами полезла в трансформаторную будку. Это продолжалось лишь пару секунд, но и их хватило, чтобы перевернуть прямо на блузку тарелку с зеленым варевом. Ложка с подноса полетела на пол, а тарелку я едва успела подхватить.

Потрясла головой, приходя в себя, и первое, что увидела, – это злорадную улыбку драконессы, что являлась нянькой у химика.

И чем я ей-то не угодила? Поставила поднос на ближайший свободный столик, отряхнула уже не белую блузку и только хотела сказать драконессе пару русских волшебных, когда Верджил цапнул меня за локоть.

– Ты мое наказание. – Он сокрушенно покачал головой.

Похоже, Вердж так ничего и не понял и решил, что я просто споткнулась. Однако последующие его слова опровергли это предположение.

– Танганнистра так развлекается. Не нарывайся хотя бы здесь. Придумать ей ответную пакость ты можешь и попозже, а сейчас не выставляй себя, а заодно и меня идиотами. «Шаровик» видели не все, а твою ответную реакцию… Пошли, отведу тебя до общежития.

Приняв его доводы как относительно разумные, я пошла вслед за некромантом.

Чтобы сократить путь (как соизволил буркнуть-пояснить мой нянька), мы двинулись не по анфиладе, а по боковому коридору. Пройдя изрядно в полумраке (эх, экономило начальство академии на освещении), мы завернули за угол, и тут по глазам резанула вспышка, словно молния, как отсвет взорвавшейся атомной бомбы.

Источник света находился далеко впереди, в одном из боковых ответвлений, но ударная волна была сильной.

Верджил, не говоря ни слова, развернулся ко мне лицом и, накрывая собой, повалил навзничь.

Спустя мгновение вслед за ударной волной последовала огненная лавина. Казалось, из глубины коридора стена пламени летит прямо на нас. В мозгу была лишь одна идиотская мысль: попытка Верджа меня спасти, накрыв собой, приведет лишь к тому, что вместо двух маленьких прожаренных бифштексов будет один, но толстый. Обжигающая лавина прокатилась над спиной парня, обдав жаром. Я зажмурилась, покрепче вцепившись в его плечи. «Вот и учеба по обмену!» – Мой, как думалось, предсмертный комментарий.

Огненная стихия, на мгновение накрывшая нас, понеслась дальше, быстро рассеиваясь.

Я была в недоумении. Обычно при взрыве по всем законам физики идет звуковая волна, за ней ударная и световая, а потом и тепловая. И последняя не проходит, как барьер, за ней – область еще более высокой температуры, а тут… ненормальный мир, где даже физика какая-то неправильная!

Вердж надо мной пошевелился, проявляя признаки жизни. Я поймала его взгляд. Зрачок и радужку быстро затягивала белая пленка, так, словно глаза были из одного белка.

– Меня проклятьем зацепило, беги! – это единственное, что он успел сказать.

Ему-то легко говорить – лежит сверху, здоровенный и тяжеленный, зараза, не сдвинешь. Впрочем, трепыхалась я недолго, ровно до того момента, как глаза парня стали абсолютно белесыми.

А потом он резко навалился, вдавливая в пол своим весом, и втянул ноздрями воздух рядом с моим виском. Этот чокнутый сжал меня вдруг обретшими невероятную силу руками.

Из горла некроманта вырвался какой-то звериный рык, все его тело напряглось. «Что от него ждать? И самое главное: что делать?» В голове были вопросы, ответы на которые отсутствовали. Зато у Верджа они были. Хотя бы на первый.

Резкий рывок, и пуговицы кофты с жалобным звоном покатились по полу. Этот сумасшедший властно, нет, не целовал, кусал плечи, шею, в какой-то безумной неистовости, явно не понимая, что делает. С губ его сорвался стон. А у меня после его поцелуев было ощущение невероятных ожогов.

В первый миг страх сковал, не давая возможности шелохнуться. Пришло осознание: «Меня же сейчас банально изнасилуют. Причем даже не человек, а какой-то полузомби!»

Меж тем некромант слегка приподнялся на локтях, его колено с силой раздвинуло мои. Это послужило сигналом к действию. Я начала отчаянно сопротивляться, наплевав на житейскую мудрость про «расслабься и получай удовольствие». Зря. Похоже, Верджа (или кем он был в этот момент?) попытка сопротивления только раззадорила. Он удовлетворенно зарычал, запуская руку мне под юбку. Тяжесть его тела и ощущение момента, что сейчас он завладеет мной, усилили панику. Я захлебывалась, буквально задыхалась ею.

Мысль, стучавшая в голове, так же быстро, как и удары сердца: «Что я могу?» Руки прижаты к полу его сильным захватом, тело придавлено так, что и не

пошевелиться. «Думай, Мамилюк, думай!» – сама себе приказала я.

В мозгу не к месту всплыл голос нашей анатомички: «Лобная кость – одна из самых прочных. Если лбом ударить в переносицу, то можно с легкостью сломать нос». Лекции по опорно-двигательной системе были жутко нудными – названия костей, типы их сочленений, да еще и куча латыни… но сейчас мне не оставалось ничего другого, как проверить теорию на практике.

Вердж же ворчал и напрягался, он словно боролся с налетевшим пламенем необъяснимого огня, который на мгновенье поглотил нас, но, схлынув, оставил частицу жара внутри некроманта. Он жадно вдыхал воздух, его ноздри раздувались, и как только парень прикрыл веки, я что есть силы ударила его лбом, метя в нос.

То ли чело у меня оказалось повышенной прочности, то ли переносицы у иномирцев слишком хлипкие, но раздался хруст, и буквально через мгновение мне на лицо упали капли крови. Слава богу, не моей.

Вердж ослабил хватку, и я попыталась вырваться. Ан нет, тяжелый, зараза. Да и не вырубила я его, так, отвлекла внимание.

Посмотрела на лицо недонасильника. Из носа кровь уже не капала – хлестала, но из глаз постепенно, словно нехотя, начала исчезать пелена. Вердж очумело помотал головой, как пес, только что выбравшийся из воды. Он сам скатился с меня, зажимая нос рукой.

«Похоже, сломала», – вынесла я вердикт. Била, конечно, наверняка, понимая, что второго шанса не будет, да и у самой в голове гудело так, будто приложилась о бетонную стену. Ну да ладно, шишка – меньшее из всего, что могло бы случиться.

– А теперь объясни, что это было? – задавая вопрос, я на всякий случай отползла подальше, запахивая многострадальную блузку.

– Похоже, это рикошет от проклятия одержимости. – Несостоявшийся насильник гнусавил, его руки слегка дрожали. Он и сам был в шоке от произошедшего. – Весьма характерное свечение. Это проклятие из категории смертоносных. Видел я один раз его результат. Див, на которого его наложили, пил в тот момент воду.

Так вот, как выяснилось позже, он в мгновение почувствовал то ли жажду, то ли желание пить, и за считаные удары сердца влил в себя около полведра и захлебнулся. Проклятый сам буквально утопил себя в жидкости изнутри.

– И часто у вас в академии этими проклятьями разбрасываются? – У меня начался «отходняк». Трясло так, что зуб на зуб не попадал.

– Вообще-то нет. За применение такого рода магии – смерть или пожизненная каторга.

Вердж первым сумел прийти в себя. Поднявшись, он подал мне руку, второй все еще зажимая нос.

– Пойдем, надо посмотреть, что там. – И он кивнул в направлении, откуда появилось пламя.

На мой взгляд, некромант и так был чокнутым, а эта огненная волна ему в конец башню снесла. Идти на место предполагаемого убийства? Ему что, шкура не дорога? Да там же, может быть, этот самый проклятийщик (или как их здесь называют?). Хотя… это я мыслю земными мерками, где убийцу чаще можно застать с ножом в руке рядом с трупом. А здесь неизвестно, как все происходит.

Некромант уже решительно шагал по коридору, и мне ничего не оставалось, как последовать за ним. Не стоять же здесь в таком виде? Где находится общежитие, я уже даже примерно не представляла.

– Подожди меня!

Когда нагнала Верджа (паразит даже не соизволил оглянуться), то схватила его за плечо и попыталась развернуть. С таким же успехом можно попытаться затормозить ход асфальтового катка. Парень лишь остановился.

– Ты больше ничего не хочешь объяснить?

– Например? – Он был спокоен, как мешок картошки, залегший до весны.

– Вот это, к примеру. – Я ткнула на порванную блузку.

Некромант смерил меня взглядом, как будто это я была клинической идиоткой.

– Я же сказал, рикошет. Меня чуток зацепило и… – Тут он неожиданно смутился. – В общем, я не помню.

– Первобытные инстинкты вылезли наружу? – подсказала я. – Охотиться, сражаться, размножаться?

Вердж, по-видимому, ощутил еще большую неловкость. Вот она, разница менталитетов. Я, как дитя века технического прогресса, могла не только размышлять, но и вслух рассуждать о многих вещах. Здесь же, похоже, было принято только думать.

Сопровождающий резко выдохнул, словно перед прыжком в пропасть, и произнес:

– Ты, это, извини за то, что я чуть тебя… я себя просто не контролировал. Потому и сказал, чтобы бежала, – думал, убью сразу же. Ты меня успела до печенок достать в первые мгновения знакомства.

Я перевела фразу с русского на русский: «Я и сам не знал, что такой озабоченный и что потрахаться для меня важнее мести».

– В общем, давай забудем это недоразумение, – закончил Вердж.

Сочла за лучшее кивнуть, и мы двинулись дальше. Кровь продолжала капать из носа моего спутника, и он что-то тихо бормотал себе под нос. Поскольку транслингва безмолвствовала, нетрудно было предположить, что, скорее всего, это вариант местного непечатного. Наконец, Вердж не выдержал:

– У вас в мире что, всех девушек драться профессионально учат? Ты мне нос сломала.

– Я русская, и поэтому все делаю от души и с размахом. И веселюсь, и, как оказывается, дерусь тоже.

Про то, что страх – лучший из стимулов, тактично умолчала.

– Учту, – пробурчал парень.

Так и представила, что он мысленно делает пометку: «Ни при каких обстоятельствах дело с национальностью «русские» не иметь».

С такими мыслями я вошла в комнату.

Дверной проем отсутствовал здесь как класс. Огненная волна закоптила стены, пол и потолок. По центру было даже что-то вроде кратера, в глубине которого лежало нечто. Как только у него не сгорели крылья?

Я подавилась собственным криком. С экрана телевизора доводилось видеть всякое, но так близко, в реальности… Кости, обугленное мясо…

– Профессор Фрейнер? – Ошарашенный Вердж подавился словами.

У меня же подкатила банальная истерика, и единственная связная мысль была: «Как он вообще смог идентифицировать этого моля, толкавшего речь пару часов назад с трибуны в зале академии, приветствуя землян, прибывших по обмену?»

Меня трясло, дрожь, казалось, пробирала все нутро, выворачивая сознание наизнанку от вида трупа.

– Маааама, – клацали зубы. Еще немного, и сорвусь на крик.

Перевела взгляд на Верджа. Плотно сжатые губы, решительный взгляд. Похоже, что ему подобная картина не в новинку… Но не все ж из нас труповеды.

Глава 5

Простить и отомстить

Вердж

Как бы Вердж ни желал придушить собственными руками свою подопечную, в момент опасности он не раздумывая прикрыл ее собой. Впрочем, о приступе благородства он тут же пожалел – все тело опалило волной жара, пробирающего до самой человеческой сути.

Дальнейшее некромант плохо помнил: перед глазами пелена, в голове какая-то странная навязчивая мысль. И желание такое острое, нестерпимое, что даже руки-ноги не слушались слабых проблесков разума, а подчинялись только одной мысли: смять под себя, подчинить, завладеть. И он делал все, чтобы эту жажду утолить.

Вердж практически растворился в тумане, одурманивающем сознание. В себя помогла прийти резкая боль. Вспышка, яркая, затмевающая все. И волна нестерпимого жжения в районе переносицы. Благодаря этим новым ощущениям отступило безумное, всепоглощающее желание.

Он помотал головой, приходя в себя. От этого простого движения нос заболел еще сильнее, а капли живой руды разлетелись в разные стороны. «Эта дрянная иномирянка, похоже, сломала мне нос!» – мелькнула мысль у него в голове. До этого некроманту ломать себе что-либо хотя и приходилось, но та феерия ощущений, которую он испытывал сейчас, явственно свидетельствовала, что в прошлые разы были цветочки. Но был еще вариант, что откат, которым его зацепило, разом обострил все чувства, поэтому и ощущения от перелома порадовали остротой, глубиной и новизной.

Некромант попытался оценить масштабы случившегося: волну жара, пришедшую от проклятия, и результаты отката, край которого он урвал на свою голову, спину и другие части тела.

Что странно – за свое желание ему ничуть стыдно не было. Обычное такое мужское желание. Оказалась бы любая другая на месте иномирянки, вполне возможно, реакция проявилась бы аналогично. Воздействие остаточной магии проклятия, и ничего больше. «Да, именно так все и было, – решил для себя Вердж. – И стыдиться тут точно нечего. Подумаешь, блузку порвал. Так осталось,

чем прикрыться, чего трагедию из этого делать? Еще и нос… Зачем со всей дури лупить-то приспичило?»

А вот слова про месть и про… то самое его очень задели. Неужели эта пигалица считает, что мстить он за уязвленное самолюбие не собирается?

Пока добирались до места происшествия, в его голове созрел план коварной вендетты. Хотя, скорее уж, страшно смешной. Ну, это смотря для кого. Юмор-то у некромантов специфический. А еще одним стимулом к этой мести будут капли крови, украшающие его рубашку.

За всеми своими мыслями он скрывал то, что волновало больше, чем самолюбие и боевые девицы: смерть профессора.

Фрейнера, безусловно, было жалко. То, что от него осталось, теперь лишь отдаленно напоминало уже бывшего проректора академии.

Какой-то умник подгадал, накладывая проклятие, чтобы в руках ныне покойного был огонь. А иначе с чего такая вспышка? Не иначе профессор свечу магически поджигал или пламя в камине? Жажда огня, жажда воды… Любая жажда, вызванная этим проклятьем, уродует тело так, что след преступника обнаружить практически невозможно. Это даже некроманту не под силу: поднятой головешке просто нечем будет говорить.

Остается только как можно быстрее обратиться к руководству академии. Правда, теперь их с иномирянкой затаскают по допросам. Ладно бы просто допрашивали, но раз личность умершего весьма выдающаяся, то для расследования его смерти вызовут если не лучших, то дотошнейших специалистов. А эти дознаватели не гнушаются использовать и ментальное воздействие.

Однажды Верджу пришлось испытать такое на себе. Ощущение, словно в твоей голове кто-то ковыряется мерзкими щупальцами, перебирая личные воспоминания, вторгаясь в самое сокровенное… Бр-р-р. Правда, решившись вступить на поприще некромантии, парень научился закрывать свое сознание так, что мало кому удавалось туда пробраться. Связано это было с тем, что некоторые ритуалы (не особо разрешенные, но весьма эффективные) требуют особой концентрации, полного подчинения собственного сознания, абсолютного

отрешения от реальности, в том числе и от малейшего постороннего воздействия. А вот иномирянка вряд ли такими способностями обладает. Даже чуть жаль ее стало. Но только самую малость.

– Понимаешь ли, в чем дело, Арина. – Почему-то девушка при звуке своего имени вздрогнула. Хотя она, наверное, от любого звука сейчас вздрагивать будет – вон какая бледная от шока. – Мы теперь главные свидетели. Осознаешь, что это означает?

Иномирянка никак не прореагировала, продолжая смотреть в одну точку перед собой. Вердж попытался говорить спокойнее, стараясь донести до Рины главную мысль:

– Кроме нас, никто не знает, что тут произошло на самом деле. Профессора нашли бы чуть позже, когда никто бы не смог распознать, что за проклятие на него было наложено. Я смог об этом догадаться только по откату, накрывшему нас. – Вновь какое-то неуместное смущение появилось, но некромант быстро с ним справился. – И теперь перед нами дилемма: обнародовать то, что мы здесь видели, или же утаить и жить дальше спокойно. Что выбираешь ты?

Рина растерянно на него смотрела. Было видно, что в ней борются противоречивые чувства. С одной стороны, спрятанная за молчанием тайна порой сжигает душу, выворачивая разум наизнанку чувством вины, если в результате непроизнесенных слов смерти множатся, а с другой – все может обойтись и гроза пройдет мимо. Следовательно, никто не станет угрожать их жизни, ведь для преступника лучший свидетель – мертвый свидетель.

– Нужно все рассказать. – Несмотря на потерянный вид, голос иномирянки звучал сухо и решительно.

Какая-то рациональная частичка разума Верджа кричала – это глупо! Своя шкура дороже, а проректору уже ничем не помочь. Но проснувшаяся так не вовремя совесть вопила: если в результате их молчания погибнут невинные, то она не даст ему спокойно спать.

Забыв, что он весь в крови, Вердж повел подопечную сразу к ректору.

Рина

Далеко мы не ушли. Буквально через несколько минут навстречу нам уже бодрой рысью бежало несколько преподавателей. Вид галопирующих мантий и костюмов-троек несколько отвлек от недавних событий. Задорно прыгающая магистерская шапочка меж длинных ушей эльфа, который даже издалека выглядел как филе горбуши в ледяной глазури – такой же невозмутимый и отмороженный, впечатлила больше всего.

– Здравствуйте ректор Элливариэль! – Вердж поздоровался с эльфом, прибежавшим первым.

Ого! Гипотетический дальний родственник Леголаса оказался ректором академии (и, подозреваю, ее сверстником, судя по седой как лунь шевелюре и морщинам). По последовавшему далее вопросу можно было сделать вывод, что с гражданином Маразмом этот Элливариус был знаком лично:

– Что вы здесь делаете? – глупейший, на мой взгляд, из всех возможных в данной ситуации вопросов.

– Стоим, а до этого лежали. – Всегда считала, что краткость – сестра таланта, но на идиотский вопрос и ответ должен быть соответствующий.

– Вижу, что лежали. – Ректор прошелся многозначительным взглядом по моей кофте. – Потрудитесь объяснить, что здесь случилось.

На этот раз функцию спикера (в смысле того, кто to speek’ать будет, отвечая на вопросы) взял на себя Вердж. Он, похоже, испугался, что я опять что-нибудь не то ляпну.

– На профессора Фрейнера было наложено проклятие одержимости, давшее эффект кермиопластического свечения в широком частотном диапазоне. Судя по всему, в момент активации проклятия он разжигал огонь в камине или затепливал свечу.

То, что сейчас сказал парень, для меня было полнейшей белибердой. Детский лепет, когда «кран» – «кан», а «хочу гулять», звучит как «кокуать», и то понятнее. Но ушастый Будуар (так я мысленно обозвала ректора – удобнее и с Элливаром созвучно) со знанием дела кивнул и уточнил:

– Каков рикошетный коэффициент?

– Высокий, около двадцати импритов.

– Похоже, работал либо настоящий ювелир, либо магу, наложившему проклятие, удалось добыть достаточно крови Фрейнера для обряда. Хотя второе маловероятно – очень уж профессор пекся о своей безопасности, а при таком коэффициенте сцедить надо было не меньше пинты. Сделать это незаметно для проклятуемого невозможно…

Судя по всему, Будуар размышлял вслух, полагая, что я ничего не пойму, а Вердж – не в счет.

Подоспевшее трио из отставших от эльфа преподавателей оглядывало нас со все возрастающим интересом. Ректор, еще раз окинув нас с Верджем взглядом, выдал распоряжение:

– Мейнс, отведите барышню к ней в комнату, пусть приведет себя в порядок, да и сами потрудитесь выглядеть соответствующе. К завтрашнему утру жду от вас подробного письменного доклада о случившемся. Пока можете быть свободны.

Больше не говоря ни слова, Будуар в сопровождении других преподавателей двинулся в направлении обгорелой комнаты. Я же понуро побрела за своим горе-провожатым. Не мог меня этот Вердж даже до комнаты нормально довести, чтобы переодеться!

Процедура, когда парень отконвоировал до крыльца общежития и бесследно испарился, повторилась. Если честно – вздохнула с облегчением. Дышала ровно до того момента, пока не открыла дверь комнаты.

Оказалось, что я не единоличная хозяйка шикарных апартаментов в стиле а-ля общага: вроде все прилично, стены оштукатурены, оконные рамы еще не

рассохлись до старческих трухляшек, но ощущение казенности помещения – неистребимое. Все голо и по-типовому.

И самое главное – соседка по комнате, восседавшая на второй кровати. А я-то, наивная чукотская девочка, думала, что мне выделили отдельные, пусть и двухместные апартаменты.

Деваха, с которой мне предстояло в дальнейшем делить эту скромную обитель, больше всего напоминала дирижабль в миниатюре. Она жевала пирожок, излучая оптимизм не хуже бруска урана: уверенно и беспощадно.

– Привет! Меня Чубыся зовут, я твоя соседка, – не переставая работать челюстями, поздоровалась она.

Я скептически оглядела эту Чубысю. Она была… основательная: невысокая, кряжистая, вся какая-то сбитая. Белый передничек, полотняная юбка, бакенбарды, заплетенные в косы, настолько длинные, что я сначала приняла их за затейливую прическу. Довершал образ чепец.

– Меня – Рина, – представилась на автомате.

– Ну вот и замечательно. А что это ты такая… – гномка (а соседка была именно этой расы, судя по ее внешнему виду) запнулась, – интересная.

– А… – Я махнула рукой, давая понять, что моя блузка уже может покоиться с миром: пятна зеленой бурды вперемешку с сажей не отстираешь, да еще и порванная вся. – Произошло все быстро, но вот рассказывать о случившемся можно долго.

– Я не тороплюсь, не переживай, – весело хрупая очередным пирожком, возвестила Чубыся. – Кстати, хочешь?

Гномка протянула мне корзинку, стоящую рядом с ней и до половины наполненную снедью. Аромат свежей выпечки, буженины, нарезанной ломтиками, зеленого лучка и яблок – не магазинных, парафиновых, а настоящих, деревенских… Мой желудок ответил первым, выдав руладу не хуже, чем оборотень в полнолуние. Еще бы: нормально я ела только утром, до перехода

через барьер.

Смущенно улыбнулась и, промямлив «спасибо», цапнула угощение. В мозгу мелькнула мысль: «А может, соседка – это не так и плохо?» Возрадовавшийся поживе желудок с мозгами согласился.

За разговорами, переодеванием и уплетанием ароматных пирожков (начинки, кстати, были разные, и среди них – картофельная – моя любимая) огрызок вечера как-то быстро закончился, уступив место ночи. Подготовка ко сну, и вот наконец-то голова коснулась подушки – блаженство в объятиях Морфея.

Мне снился чудесный сон, морские волны, каменистый пляж бухты вблизи вулкана Карадаг, у подножья которого расположился поселок Коктебель, мы с родителями и сестренкой на отдыхе. Воспоминания родом из детства причудливо переплелись с сонной навью.

Ласково шумит прибой, морской бриз играет с локонами… Звуки, ворвавшиеся в эту радужную картину, были сродни бряцанию рыцаря тевтонского ордена, свергшегося с коня, несшегося на полном скаку. Я поворочалась, пытаясь избавиться от противного звука, но не тут-то было. Он проникал даже под подушку, которой я малодушно накрыла голову. Пришлось встать, чтобы «облагодетельствовать» заразу, не дающую спать честным людям и нелюдям, горшком на голову. При этом я была настолько зла, что было не важно, с чем будет горшок – с цветами или ночной.

За окном же какая-то сволочь вдохновенно бренькала на гитаре, вереща не хуже порося, которого режут:

Люблю тебя, нет сил терпеть,

Не дай моей душе сгореть.

Моя любовь, вернись ко мне

В предсмертном мы сгорим огне!

Я повстречал тебя в кладбищенской ночи,

Раскрылись тотчас же мои глаза.

Хотел бы я сложить поэму

О той любви, что душу жжет дотла.

Увы, красавица, поэтом и при жизни же я не был,

А после уж не буду никогда!

Я мельком глянула в окно, кровожадно прицеливаясь. Соседка, которую тоже разбудили эти вопли, сверкала глазами и перехватила поудобнее… наковальню! На мой вопрос, откуда ЭТО тут вообще взялось, девушка пояснила, что данная штуковина – подарок, врученный папой со словами: «Доча, эта вещь тебе в академии обязательно пригодится!» Папа наверняка был провидцем, а гномка подошла к вопросу устранения шума основательно.

Когда я второй раз уже вместе с Чубысей выглянула в окно, повнимательнее всмотревшись в «барда», у меня горшок вывалился из рук. Распевал серенаду труп. Качественный такой труп, с оголенными ребрами в истлевшей одежде. Единственное, что у него было относительно новым, – это гитара. «Наверно, у кого-то спер», – отрешенно подумала я. Меж тем зомби продолжал декламировать:

Я раскрою тебе все секреты,

Все могилы изрою до дна,

Для тебя я восстану из склепа

И сошью тебе саван для сна.

Тебя заметив, я тряхнул костями,

Чтоб ссыпать с них минувшей жизни пыль.

Так встань сейчас перед очами

Чтобы прямо так тебя я отлюбил!

Почувствовала, что мой глаз начал нервно дергаться. Чубыся, судя по всему, тоже была под впечатлением, потому как замерла с поднятой над головой наковальней.

Хороший скелет как бочка с вином —

В гробу долго лежать не умеет.

Арина, приди же ко мне, мы ее разопьем

В склепе моем, как в колыбели…

Последние его слова потонули в смачном хрусте – наковальня гнома-прародителя достигла макушки певуна, проломив ее.

– Он меня достал! – Соседка невинно развела руками.

Судя по тому, что из пары окон практически одновременно с наковальней полетели горшки, подушки и даже одна табуретка, достал он не только Чубысю.

Я ошалело потрясла головой, осознавая увиденное:

– Чуба, тебе никто не говорил, что у тебя замечательный и прозорливый отец. Я уже хочу с ним познакомиться.

Гномка рассудительно кивнула, принимая комплимент.

У меня же, помимо желания познакомиться с мудрым отцом, было еще одно: прикопать одного недонекроманта, потому как в этом мире именно он величал меня «Ариной».

Вердж

Быстро умывшись, некромант приступил к отчету. От того, что он сейчас напишет, будет многое зависеть. А нужна ли ему такая ответственность? И все же не до конца усыпленная совесть настырно его клевала: «Пиши! Пиши, как все было! Ничего не упускай!» Совесть, она иногда вообще – такая зараза. Порою – не просто грызет, а еще при этом и громко чавкает. У Верджа был как раз именно такой случай.

Перо старательно выводило руны: «Второго числа месяца золотой листвы после обеденного перерыва я со своей подопечной шел по коридору. Внезапно произошло сначала смещение тонкой материи пространства, а за ним последовала волна кермиопластического свечения в широком частотном диапазоне. Чтобы не попасть в зону волны, я упал, накрыв собой Арину Камаеву» – сухой канцелярский язык, скрывающий бурю эмоций.

Все ли писать? А откат? Без него следователи не смогут увидеть полной картины произошедшего.

Вердж решил – все. Единственное, чего он никак не мог вспомнить, – почему именно его понесло пойти той дорогой. Было несколько вариантов, как сократить путь. Может быть из-за того, что в вечерних сумерках коридор там выглядит особенно таинственно и притягательно? Впрочем, к отчету это отношения не имело.

От перенапряжения разболелась голова. Разбитый нос тоже давал о себе знать.

Некромант оперся на спинку стула, закинув руки за шею. Столько событий за один день! С ума сойти можно. Впрочем, за сегодня у него вообще не раз возникала мысль, что он как никогда близок к сумасшествию, или это их академия вдруг стала филиалом дома душевнобольных?

А его подопечная – просто бесценная находка… для лекаря душ. Кстати о ненормальной.

Вердж еще раз окинул взглядом написанный им отчет, удостоверился, что все изложено как надо, и пошел добывать орудие мести. Только когда выходил из комнаты вспомнил, что сегодня так и не видел своего нового соседа, порою попадавшегося ему на глаза по десять раз на дню.

Первокурсник, чудом поступивший на факультет боевой магии, с нескрываемым восхищением взирал на Верджа. В его взгляде иногда откровенно сквозило даже обожание. Паренек явно нашел себе кумира. Этот первогодок так упорно интересовался жизнью (и личной в том числе) Мейнса, что у некроманта возникло подозрение: бытие этого сеголетка не интересно никому, в том числе и самому мальцу.

От такого внимания Верджу порой становилось не по себе. Дейн постоянно заваливал его вопросами, восхищался умениями (когда только эти умения-то разглядел?). Хотя и польза от него была: утром спас от похмелья рассольчиком. Как оказалось, именно первогодок поставил тот спасительный стаканчик.

А сейчас вот этот «поклонник» куда-то пропал. Неужели все-таки неприкаянный нашел себе компанию и тоже решил отметить первый учебный день? Зато можно отдохнуть от его порой навязчивого внимания. За те пару дней, что они были знакомы, будущий боевой маг уже успел малость достать некроманта.

Пока Вердж шел до нужного ему места, в его голове родилась еще одна гениальная мысль, помимо вендетты, конечно. Что, если соседа-надоеду и эту свалившуюся на его голову ненормальную свести вместе? Так он убьет разом двух незайцев: и девицу спихнет, и Дейна пристроит подальше от себя. А освободившееся время можно будет посвятить научной работе. Ну и кое-что в расследовании уточнить.

В морге, расположенном при факультете некромантии, все трупы были наперечет. Поэтому Верджу пришлось идти на городское кладбище. Там в отдаленном уголке было место, выделенное под «бесхозных мертвяков»: бродяг, неопознанных и других неизвестных личностей.

В тиши еще теплой осенней ночи Вердж копал могилу. Махал лопатой и ругал тех, кто умудрился упрятать труп так глубоко. Боялись, что вылезет? Неужели не знали, что земля на кладбище заговоренная, чтобы вот такие ночные посетители не смогли ненароком или специально призвать зомби. Впрочем, даже это ограничение Верджа не могло остановить – не зря же он изучал запрещенные ритуалы. Вот только сейчас точно не тот случай, чтобы светить добытыми знаниями, поэтому он продолжал копать, обливаясь потом и ругая могильщиков.

А дальше уже было дело техники: поднять труп, наложить заклинание, подчинить себе и снабдить нужной информацией. Пока эту самую информацию Вердж придумывал, от смеха выступили слезы, и вновь полилась кровь из носа. Все же работа с неживой материей ему давалась куда лучше. Целительство ни одному некроманту в полной мере не подчинялось.

Оценив проделанную работу, Вердж остался доволен. Зомби был шикарен. «Будем надеяться, что Арина оценит по достоинству», – подумал трупокопатель.

Осталось только найти реквизит и довести «влюбленного певца» до места встречи с дамой сердца.

У Верджа гитары никогда не водились. Он был из тех людей, у которых музыкальный слух напрочь отсутствовал. Да и приятели, кто бы мог поделиться инструментом, уже наверняка давно спали. Время-то даже для студентов-полуночников уже было позднее. Поэтому будить никого из них не хотелось, а то мало ли, спросонья будущие архимаги могут что угодно вычудить. А кого не жалко будить? Ну, конечно же, врага! Оставив Филандра (так окрестил труп Вердж – не ходить же зомбику безымянным) в каморке, парень отправился за гитарой.

Лицо Дерниэля выражало крайнюю степень озлобленности и среднюю – сонливой помятости.

– Чего тебе на ночь глядя надо? – проворчал эльф.

– Гитара есть? – излишне бодро и воодушевленно спросил Вердж.

Дерниэль протер глаза и внимательнее осмотрел некроманта.

– Что, без музыки не поднимается? – ехидно прокомментировал эльф.

– У меня все поднимается как надо! Так что не дождешься, чтобы я у тебя мужской корень выпрашивал, тебе он всяко нужнее. Вон утром висело на тебе аж две. Тут без стимуляторов никак, – ввернул некромант.

– Я вообще-то имел в виду трупы, но раз ты такой озабоченный…

Вердж хотел ответить эльфу колкостью, но вовремя прикусил язык: гитара ему сейчас была важнее меткой фразы.

– И трупы тоже поднимаются. Так есть? – нетерпеливо отозвался Вердж.

– Нету, – противно улыбаясь, ответил целитель.

– Врешь.

– А даже если и так, то что?

– Да нет, ничего, – рассеянно протянул некромант и в пространство произнес: – Просто Лалия невзначай может узнать номер твой комнаты…

– Ты меня так не подставишь, – прошипел побледневший эльф.

– Ну что ты. Нет, конечно же. Гитару только дай, – ухмыльнулся Вердж.

Так некромант и получил новенькую, отлично звучащую гитару. Дерниэль частенько пускал пыль, в данном случае не в глаза, а в уши доверчивым, восторженным девушкам. Среди них не столь давно оказалась и Лалия. Тогда-то целитель не знал еще, что у девушки, в отличие от него самого, очень серьезные и далеко идущие планы – замужество. Вот он и бегал от нее теперь как нечисть от святой воды. Ибо если женщина за кого-то решила выйти замуж, то отговорить ее от этой затеи практически невозможно.

Мужская братия стойко не сдавала товарища, в какой именно комнате он проживает, и эльф еще умудрялся прятаться от нее, поэтому угроза удалась.

Все шло как по маслу: труп был выкопан, гитара найдена, серенада звучала вовсю.

Вылетевшая из окна женского крыла общежития наковальня стала для некроманта, притаившегося в кустах, полной неожиданностью. А для зомби – даром свыше. Больше его никакие некромантесы не побеспокоят. Ибо теперь его останки чтобы воскресить, нужно было склеить, а еще закрепить штифтами и глиной. В общем, проще выкопать новые.

Вердж печально посмотрел на груду костей, из которой древком знамени полка торчал гриф поломанной гитары. Эта девица точно ненормальная. Зачем сразу так-то?

Меж тем в женском общежитии Рина мерила шагами комнату.

Глава 6

Парфюмерный армагедец

Рина

– Нет, он меня достал! – Я была на взводе. – Мало того что ведет себя по-хамски, так еще и это.

Чубыся сидела на своей кровати, в чепце и ночнушке: глухой, под горло, с длинными рукавами и подолом до пола. Она с умеренным интересом смотрела на мои метания, а потом выдала:

– Знаешь, есть такая поговорка: «Простить – прости, но отомстить – отомсти, тогда по-настоящему успокоишься». Думаю, это твой случай.

– А как отомстить-то? – В голове, конечно, сразу же всплыли воспоминания из детства: летний лагерь, тюбики с зубной пастой и выдернутая чека из воздушно-пенного огнетушителя… Но этого Верджу будет маловато.

– У меня есть идея. – Соседка хитро улыбнулась.

За обсуждением радужных планов (ибо нет большей радости, чем сотворение гадости) мы провели добрых полтора часа, а потом как-то незаметно обе уснули.

Утро наступило непозволительно рано. Оно, как незваный гость, который хуже татарина, буквально ввалилось в нашу комнату – назойливое солнце слепило глаза, еще не успевшие открыться. Голова раскалывалась… В общем, еще не встав с кровати, я желала одного – убивать.

Чубыся тоже выглядела заспанной. Ее чепец съехал, и гномка имела вид весьма юморной: кучерявые рыжие локоны настойчиво выбивались и лезли в глаза хозяйке, к тому же они за ночь качественно свалялись, а косички-бакенбарды расплелись. Однако соседка по этому поводу не переживала. Она потянулась аж до хруста, свесила ноги с кровати и начала ими задорно болтать в воздухе. Глядя на нее, и мое настроение начало подниматься, как столбик термометра, опущенного в кипяток, – быстро и решительно.

Скорые утренние сборы, перекус остатками вчерашних пирожков (зачем пугать желудок порцией зеленой бурды, когда есть сдобные вкусняшки, тем более что тренировки и диеты, с ними связанные, уже в прошлом), и мы весело устремились на занятия. Правда, у нас с Чубысей, как выяснилось, они разные.

На крыльце меня ждал Вердж.

– Доброе утро! – Я была сама невинность и дружелюбие. – Мне понравился твой вчерашний подарок. Какой милый раритет… был.

Парень окинул меня испытующим взглядом.

– Судя по тому, как неожиданно быстро ты меня простила, уже придумала, как отомстить.

Я не смогла сдержать улыбки.

– А как же!

Парень напрягся. Похоже, он почувствовал, что вчера все же перегнул палку, и ждал ответного хода.

– Может, хотя бы намекнешь, чего стоит опасаться? А то у вас, зэмлян, чувство юмора, говорят, очень уж специфическое.

Я прикусила язык. Так и хотелось ляпнуть: «Это у некоторых некромантов чувство юмора эквивалентно глупости, поэтому и рождаются дурацкие шутки».

– Нормальное оно, тонкое и не плоское.

На это Вердж ничего не ответил, лишь устало проворчал:

– Пошли на лекцию. Тема сегодняшнего занятия, насколько помнится, «Видовое разнообразие», хотя бы просветишься, чащоба…

– Пойдем, – скрипя зубами, улыбнулась я, а потом невзначай так оступилась.

Пришлось схватиться за руку Верджа, чтобы не упасть. На мгновение прижалась к некроманту совсем уж плотно и незаметно капнула на него концентрированным раствором гламуреи. Этот магический афродизиак дала мне соседка, сказав, что средство проверенное и эффект гарантирован фирмой «Рог единорога». По тому, как краснела в этот момент гномка, заподозрила, что с этим «рогом» что-то не так, но уточнять не стала. Единственное – эффект этого зелья держался от силы пару часов, и оно было рассчитано на привлечение исключительно мужского пола.

Маленький флакон исчез в сумочке быстрее, чем Вердж успел что-то понять, а я затаилось в ожидании эффекта.

По нашей с Чубысей задумке, некромант на некоторое время должен был стать объектом пристального внимания мужской части академии. Но почему-то ожидаемого не наблюдалась.

Наоборот, внимание стали обращать все больше на меня. Буквально кожей чувствовала все возрастающий интерес, липкий, навязчивый, как от консультанта в магазине.

Вердж же был невозмутим, подобно белорусскому партизану, заведшему неприятеля в самые топи и спокойно наблюдавшему, как трясина лакомится преподнесенным ей подарком.

До лекторской добрались в рекордные сроки, под уже откровенный, неприкрытый интерес со стороны рогатых хвостатых и ушастых носителей Y-хромосомы, или чем тут у них пол определяется?

Тема была сегодня интересная, впрочем, как и сам преподаватель. Статный дракон – по земным меркам я дала бы ему лет тридцать, а по здешним – икс его

знает, рассказывал захватывающе. Да и на самого него смотреть было интересно: широкие плечи, смуглая кожа, черные волнистые волосы, собранные в низкий хвост. Антонио Бандерос по сравнению с ним – босяк с малой Бронной.

– Эолисы – мелкие пакостники. Ареал их обитания достаточно широк, но предпочитают селиться недалеко от жилищ. В природе травоядны, но периодически требуется энергетическая подпитка эмоциями.

По взмаху дракона над лекторской трибуной появилось трехмерное изображение этого самого эолиса.

А ничего так, на игуану чем-то похож, если бы у той были крылья, как у шмеля, и лапы раза в два длиннее. Симпатично, ничего не скажешь. Скелеты, они как-то попривычнее в плане облика хотя бы будут.

Вдруг преподаватель замер, крылья его носа затрепетали, и он прикрыл глаза.

– Сегодня в воздухе прямо-таки витает аромат влюбленности, – без какого-либо перехода от предыдущей темы изрек он. А потом как ни в чем не бывало продолжил: – Но вернемся к эолисам. В отличие от разумных рас, они не обладают тонким обонянием.

Я была как на иголках: никогда не могла привыкнуть ни к хамству, ни к навязчивому мужскому вниманию. Это как зловонный запах, на который сколько ни убеждай себя не обращать внимания, все равно будешь принюхиваться. Постоянные оценивающие, раздевающие взгляды – может, кто-то и был бы этому рад, считая признаком популярности, я же чувствовала себя голой. Хотелось прикрыться, хоть чем-то. К сожалению, из «прикрыться» ничего не было, разве что Вердж.

В голову начали закрадываться подозрения: почему это некроманта мужская часть аудитории игнорирует, в то время как я, словно пресловутый доллар, лежащий на мостовой. По уверениям Чубыси, все должно быть наоборот.

Еле досидела до перерыва, резко развернувшись к своему соседу и по совместительству редкостной заразе – Верджу.

– Что происходит? – обратилась я к нему.

– Ничего особенного. Просто, если не знаешь принципа составления гламуреи, не стоит ею пользоваться.

– Ты это о чем?

– Запах данного состава хорошо знаком. В свое время я этой самой гламуреи перенюхал, наверное, несколько ведер: одна весьма настырная особа таким образом пыталась привлечь мое внимание. Не сказать, что совсем уж безуспешно. Самым большим ее достижением в использовании пресловутого состава стало то, что теперь у меня иммунитет на этот аромат.

Понимая, что следующий вопрос сдаст меня с потрохами, все же не могла его не задать:

– Я думала, что эта самая гламурея – аналог афродизиака, в который добавлены гормоны, привлекающие партнеров.

Глаза парня загорелись. Такой же блеск был у отца, когда он находил идеальную последовательность элементов, образующих сложную и красивую в своем исполнении связку. Так азартно смотрел мой одногруппник Вася на новую головоломку, так блестели глаза у Арины, когда она видела новый роман любимого автора на книжном прилавке.

– А расскажи поподробнее. – Некромант, казалось, забыл сейчас даже о вражде между нами. – Я думал, что у вас на Зэмле нет магии. А привлечь внимание через запах можно же только с помощью нее. Вот например, у той же самой гламуреи основа – алхимический раствор, на который накладывается заклинание с наименованием того, кого конкретно хочешь привлечь или обобщенно, например всех оборотней или просто всех мужчин. Основа нужна как закрепитель, продлевающий действие заклинания в разы. Порою до нескольких десятков гинков. Опытный маг, если почувствует гламурею, может просто снять исходное заклинание с раствора и наложить свое.

– Что ты и сделал? – для порядка уточнила я.

– Да, а как у вас на Зэмле с этими, как их, афродизиаками? – увлеченно уточнил парень.

Ну и как на него после этого злиться? Я мысленно покачала головой. Мужики везде одинаковы, что на Земле, что в этом мире. Своих проступков не замечают, пожимая плечами: «Что такого? Подумаешь…» – и как ни в чем не бывало спрашивают: «А борщ сваришь?» Верджа вот вместо борща химсостав духов интересует. Решив, что из ситуации нужно хотя бы какую-то выгоду извлечь, произнесла:

– Давай так. Я тебе расскажу об этих дизиаках, что знаю, а ты поможешь мне избавиться от эффекта этой вашей гламуреи. Идет?

Некромант утвердительно кивнул, и я, словно филиал Википедии, выдала:

– Насколько знаю, в основе афродизиака лежит экстракт половых гормонов. Это такие вещества, выделяемые организмом в момент возбуждения, – уточнила на всякий случай. – Так вот, их, как духи, разливают по флаконам. Действует этот аромат только на того, кто имеет к нему предрасположенность. Женщина, например, запах афродизиака, предназначенного для мужчины, не почувствует. А «никаких снял-наложил заклятье» у нас нет.

Парень задумчиво почесал затылок. Мне даже показалось, я слышу, как закрутились шестеренки в его мозгу.

– То есть у вас все основано на чистой физиологии, без вмешательства в ауру? И никаких магических следов?

– Ну да.

По взгляду Верджа поняла, что он что-то задумал.

Меж тем в наш околонаучный диспут бесцеремонно вмешался третий. Демон.

– Ты сегодня выглядишь невыносимо прекрасной, крошка, – с ходу вместо приветствия заявил этот хвостатый.

Наглый демонюка, уперев ладони в стол, навис надо мной, бессовестно изучая содержимое декольте. Ну да, я сегодня не успела переодеться по местной моде и заявилась (кстати, как и большинство моих одномирцев) в джинсах и рубашке, ворот которой был не застегнут на верхние пуговицы.

– После занятий никому свиданий не назначай, сегодня ты встречаешься со мной, – самоуверенно заявил рогатик.

Ну ничего себе заявочки! Слов цензурных нет. У кого бы занять?

Не знаю, почему в моем мире демоны наделялись такими качествами, как сверхсексуальность и иррациональное притяжение, изображались накачанными мускулистыми красавцами с маленькими рожками. Я смотрела на наглядный образец «демон обыкновенный, среднестатистический», но в глаза лезли только рога. Винторогие, длинные. Интересно, а этот демонюка так же по горам скачет, как и его рогатый собрат, обитающий на Кавказе? Воображение сразу расшалилось и добавило наглецу «шерстистости» в районе лица. А ничего. Ему идет козлиная бородка…

Демон меж тем дожидался ответа, ну или хотя бы какой-то реакции с моей стороны.

Я же развернулась к Верджу со словами:

– Ты обещал разобраться с действием гламуреи. Вот оно – действие, стоит рядом. Разбирайся.

Некромант тяжело вздохнул и выдавил из себя:

– Сегодня она занята. У нас свидание. Так что подвинься.

Демон ничего не ответил, лишь злобно зыркнул. Похоже, пока этому рогатику по силе с Верджем не тягаться или еще что-то подобное, раз так просто отступил.

Некромант же без промедления дернул меня за плечо, призывая подняться.

– Давай, собирайся и быстро в мою комнату, снимем заклятие с раствора, пока к тебе очередь из жаждущих личной аудиенции не выстроилась.

– А что, так снять не можешь? Наложил-то быстро.

– Да там дел-то: снять первоначальное – раз плюнуть. Я же все делал качественно и на совесть. И заклятие притяжения наложил седьмого порядка, чтобы действовало на всех, кроме расы людей, и с максимальной силой.

Почему «кроме» я уже уточнять не стала – сам-то некромант был человеком.

Мы, словно та пресловутая пробка из теплой бутылки шампанского, вылетели из аудитории, едва не снеся по пути возвращавшегося в лекционную преподавателя. Дракон, на мгновение придержав меня за талию и не дав таким образом упасть, загадочно улыбнулся, и его глаза на миг приобрели цвет персидской бирюзы. Всего лишь на секунду, а потом вновь стали льдисто-синими, контрастируя со смуглой кожей.

Вердж дернул меня за руку со словами:

– Давай быстрее, заодно со своим соседом познакомлю. Он парень неплохой, поможет тебе адаптироваться. Думаю, с ним тебе будет проще найти общий язык.

«Чем со мной», – мысленно закончила я фразу некроманта.

Глава 7

Порою удача стучится не в дверь, а молотком за стенкой

Вердж

Для того чтобы помочь Арине в разрешении ее проблемы, некроманту прежде всего необходимо было успокоиться. Получалось это с трудом: смех продолжал его душить. Стоило только вспомнить, как выглядело ее лицо при виде толпы поклонников… Она не была такой испуганной, даже когда познакомилась с трупом-Филандером. Неужели трупов боится меньше, чем живых, здоровых мужиков? Хотя с зомби Вердж, наверное, погорячился. Только вечером видела труп профессора, а потом он добавил еще и «полуночного певца». Вот только Рина на него ответила не истошным криком, а наковальней… Похоже, эта девушка из тех, кто не реагирует на обиды, а только нецензурно улыбается и готовит ответную месть.

В мужское общежитие женщинам приходить не полагалось. По какой уж причине – тайна, покрытая мраком. Может, некогда кто-то из руководства посчитал, что этот запрет уменьшит мужскую порочность, являющуюся меценатом женского разврата? Если так, то этот кто-то был весьма наивен. Конечно, особы женского пола посещали мужское крыло, но только с особого дозволения коменданта. У Верджила такого дозволения не имелось, поэтому нужно было провести Арину другим путем.

Жил некромант на третьем этаже. Для начинающего труповеда не проблема была забраться по водосточной трубе, используя карнизы и выступы: ему ночные вояжи по погосту приходилось устраивать почаще других. Эти прогулки романтичными не были, хотя некоторые некроманты-оптимисты, видящие в городе мертвых не кресты, а плюсы, и там устраивали свидания. Вердж же использовал кладбища только по профессиональному назначению. Ну а строгий комендант любого опоздавшего даже на минуту уже не пускал позже положенного времени. Вот и приходилось искать окольные пути. Оставалось только миновать охранки, навешанные на окна, – защиту от посторонних.

Иногда Верджу казалось, что эта самая защита – благовидный предлог руководства, позволяющий выловить «счастливчиков», которые будут трудиться на благо академии, выполняя очередной наряд. Например, опавшая листва сама себя не уберет. Хотя… можно было организовать какое-нибудь заклинание. Но дирекция академии предпочитала устраивать трудотерапию нерадивым студентам.

Вот и получалось, что каждый опоздавший искал способ, как обойти эти самые охранки.

Вердж, еще на первом курсе, придумал странный, но действенный способ. Специализация по некромантии начиналась с основ изучения постлетальной анатомии: студенты в теории разбирали, как можно «оживить» скелет. Однако не зря же говорят, что некромантическая теория суха, а практика запойна.

Мейнс предпочитал усредненную величину, экспериментируя. В качестве подопытного материала использовал скелет грызуна – крысы. В первый раз, разумеется, ничего не получилось – кости тварюшки не были скреплены. Потом путем несложных манипуляций он все же все их зафиксировал в энергетических лубках, призванных заменить суставные сумки. Правда, магические фиксаторы несколько раз нужно было все равно переделывать – опыт приходит с практикой. Спустя несколько дней скелетообразный зомбик был готов. Это был первый подопечный, которому Вердж присвоил имя – Алвилда, сокращенно – Аля. С тех пор Аля стала этаким домашним зверьком, а заодно и главным помощником в некоторых делах.

Вердж приспособил Алю как раз для обхода охранок. На грызуна он цеплял метку, которая для охранки выглядела так, как будто Аля была самим Верджем. При этом охранка пропускала умертвие без проблем – оно же хоть и мертвое, но безобидное. Защитное заклинание на пару мгновений подвисало, так как идентифицировало грызуна как вроде и живого студента, но в то же время и не совсем подающего признаки жизни. Вот этих нескольких мгновений Верджу и хватало, чтобы забраться в окно. Если у коменданта и возникали потом подозрения, ничего доказать он не мог – все списывалось на сбой заклинания. Рядом с магами такое часто случалось.

И вот теперь Вердж думал, как познакомить Арину и Алю. Вдруг эта девица боится крыс, правда, Аля уже и не совсем крыса…

– Крыс боишься? – повернулся Вердж к девушке, когда они приблизились к общежитию. Он, конечно, предполагал, что прижизненный путь Али пролегал через упавших в обморок или истошно верещавших дам, но не хотел, чтобы и посмертие грызуна было аналогичным.

– Нет, – удивленно ответила Арина, не понимая, к чему клонит некромант.

– Отлично! – бодро оповестил Мейнс, вынудив посмотреть девушку на него как на умалишенного. Хотя они часто кидали такие взгляды друг на друга.

Вердж достал из-за пазухи своего зверька.

Арина его обманула: визг подняла знатный.

Аля ловко перебралась некроманту на плечо, а ее хозяин успел подскочить к Рине и закрыть ей рот ладонью.

– Тише ты! – прошипел он на ухо Арине. – Сейчас еще кто-нибудь заметит.

Иномирянка притихла.

– Все, успокоилась?

– Да, – не очень уверенным голосом произнесла она и тут же вновь взвизгнула, но уже не так громко: – Убери эту гадость куда подальше!

Вердж и Аля переглянулись. Ну, как переглянулись, у крысы вместо глаз были черные бусины из блестящего камня. Но казалось, что зомбик и впрямь видит. И взгляд этот был крайне обиженным.

– Ты же утверждала, что не боишься грызунов, – укоризненно прошипел Вердж.

– Ну, так то живых! – Рина передернула плечами. – А скелетов все же предпочитаю в неподвижном и желательно разобранном состоянии.

– Алю прошу не обижать. Без нее ты не попадешь ко мне в комнату.

Судя по выражению лица иномирянки, такая перспектива ее однозначно не радовала.

– Алю?! – удивленно выдохнула Арина. – У этого ходячего сухофрукта есть еще и имя?

Вердж еле удержал вконец разозленного зверька, который даже успел клацнуть зубами.

– Я тебя предупредил, – сухо обронил некромант и пошел к нужной стене общежития.

Рине пришлось поторопиться за ним.

– И как эта Аля мне поможет?

– Всего лишь посидит у тебя на плече, пока ты будешь забираться ко мне в комнату по водосточной трубе.

– Ни за что!

– Ну, как хочешь. Только не забывай, что заклинание еще будет действовать гинка три, а ты в непосредственной близости от мужского общежития…

– Хорошо, я согласна! – И уже не слишком громко добавила в сторону: – Чертов шантажист.

Этот эпитет Верджил, увы, услышал.

Осталось только уговорить теперь и Алю. С ней все ж было проще – дать ночью побегать, погонять местных котов – и строптивая зомбочка уже была согласна на свою миссию.

– А что, другого способа нет? – безнадежно спросила Рина.

– Есть, но он слишком хлопотный, некогда этим заниматься.

Обреченный вздох, и иномирянка начала взбираться, стойко терпя цепкий хват умертвия, ну и вообще его присутствие в непосредственной близости.

Вердж стоял внизу и страховал Арину.

Уже следуя к центральному входу общежития, некромант не скрывал довольной улыбки, от которой почему-то все встречные шарахались. Может, это и было мелочно, но он вновь отомстил Арине за каверзу, хоть и неудавшуюся –

разрешение на доступ в мужское общежитие, если бы Мейнс постарался, то обязательно достал бы. Да и к тому же открывшийся ему вид взбирающейся иноримянки был весьма приятен для мужского глаза… Наиболее радовала перспектива обзора той части тела, которая вечно молода, в том плане, что именно в ней у большинства детство играет всегда, без оглядки на возраст.

Придя в свою комнату, Вердж застал тоже отчего-то довольную Арину, щебечущую с Дейном. Первокурсник, под воздействием гламуреи, улыбался как идиот, в руки которому попал халявный кошель с золотыми, десяток из которых он уже прокутил, и подливал в чашку девушке чай. Аля же сидела накрытая непонятно откуда взявшейся банкой.

Единственное, крыса сидела не абы как, а с чувством, изображая бастующего арестанта. Привстав на задние лапы и уперев передние в стекло, Аля раскачивалась из стороны в сторону. Два передних резца грызуна противно щелкали о нижнюю челюсть, вызывая ассоциации с захлопывающимся капканом. Мелким таким капканом, но весьма болезненным. В покусательских намерениях зверька можно было не сомневаться. Причем метила она именно на должность дегустатора Рины.

Иномирянка же ее мужественно игнорировала и мило улыбалась этому надоеде Дейну. Причем искренне и задорно. Ее улыбка была настолько подкупающей, что ее можно было считать коррупционным правонарушением. Вердж за все время их знакомства впервые видел подопечную такой открытой, легкой, светящейся радостью.

– Я тут смотрю, вы хорошо устроились, – раздраженно протянул некромант.

– Хорошо – это зыбкое пограничное состояние между «уже не отлично» и «еще не плохо», – Отвечая на выпад, Рина назидательно подняла палец вверх. – А мы тут устроились просто замечательно.

– Ну да, ну да… – Вердж и сам не понимал, почему в его душе при виде этой идиллической картинки поднимается волна недовольства.

Рина

Появление некроманта в комнате у меня вызвало стойкую ассоциацию с бородатым анекдотом: «Возвращается муж пораньше с работы…» Во всяком случае выражение лица у него было соответствующим. А еще его: «Ну да…»

Во мне боролись воспитание и неприязнь. Победили пресловутые нормы этикета.

– Присоединишься? Дейн заваривает потрясающий чай.

– А действие гламуреи с тебя снимать уже не нужно? – Сарказм в голосе некроманта можно было резать ножом, настолько он был материален.

– Нужно, но это не повод вести себя невоспитанно с таким замечательным соседом.

Дейн, будучи лишь слушателем разговора, завороженно смотрел то на меня, то на своего кумира. Крысявка, в отличие от первокурсника, действию гламуреи не поддавалась и продолжала раскачиваться из стороны в сторону, как матрос на палубе, и расшатывать стеклянную тюрьму в надежде: «Авось перевернется».

– Вот сниму с тебя действие зелья, и тогда посмотрим, как на тебя, обычную, отреагирует Дейн.

Я задала не к месту мучивший меня вопрос:

– Дейн, кстати, а ты по расе кто?

Знаю, некультурно, спроси у нас в той же Америке у смуглокожего: «А у вас в роду, случаем, негров не было?» – запросто пятнадцать суток схлопочешь за разжигание межнационального конфликта (или как это сейчас называется?), но любопытство сгубило не одну Еву.

Парень, по-идиотски улыбаясь, ответил не сразу.

– Человек.

Надо заметить, что с первого мгновения нашей встречи он был такой – смущенный, краснеющий и какой-то располагающий. Простой такой парнишка. Его эмоции легко можно было понять: он переодевается, а в этот момент незнакомая девица со скелетом крысы на голове таранит его окно. Но вот что отличает природного интеллигента от «выдрессированного»: последний на нестандартные ситуации реагирует соответственно обстановке, а первый отвечает в соответствии с нормами этикета даже на посыл из трех великих (икса, игрека и переменной из высшей математики).

Дейн был интеллигентом природным, потому как на мое фееричное появление предложил выпить чашку чаю.

Я в первый раз проникала таким образом в мужское общежитие, хотя бы по той простой причине, что в университетской общаге деления на мужские и женские крылья не было. Зато были этажи. Этаж, где селили студенток, и этаж, где обитали парни. Впрочем, и это разграничение было условным. На общей кухне вечером собирались как те, так и другие. Поэтому-то, ввалившись в комнату, меньше всего ожидала получить приглашение на чай.

Я согласилась на предложение парня. Что еще оставалось делать в столь идиотской ситуации? Единственное, подопечная Верджа, Аля, в полном смысле этого слова выкрысилась сначала на парня, прыгнув с моей макушки в сторону Дейна. Метила она, похоже, ему в лицо, но потенциальная жертва вовремя успела увернуться. А потом я, перевалившись через подоконник в комнату, схватила первое, что попалось под руку, и накрыла этим разбушевавшуюся зомби.

Крысявка, угодив в стеклянную тюрьму, вызверилась уже на меня.

«Спасибо, на мою защиту еще ни разу не бросались такие красавицы», – смущенно произнес сосед некроманта. Пусть комплимент про «красавицу» был и заезженный не хуже трактора «Беларусь», пахавшего на полях со времен поднятия целины, но мне было приятно. Искренняя улыбка Дейна подкупала. Я просто не могла не ответить тем же.

Юноша быстро накинул рубаху и начал споро разливать по чашкам чай. Слово за слово, мы разговорились: я поведала ему о том, что являюсь студенткой по обмену, он рассказывал о том, как мечтал сюда поступить и его чаяние сбылось.

Спросил про впечатления о первом дне учебы. Я тактично умолчала об основном из них – ненормальном некроманте со столь специфическим чувством юмора, что наши земные патологоанатомы курят в сторонке, а ограничилась парой фраз о нефилимах, демонессах и огненных волнах.

Дейн впечатлялся, но по мере нашего разговора его внимание становилось все более рассеянным – не иначе сказывалось действие магического «афродизиака».

Я уже начала было подозревать, что Вердж, благополучно запихнув меня в свою комнату, и думать забыл о своей подопечной, когда некромант появился на пороге мрачный, как тень понедельника, нависшая над беззаботным воскресеньем. Как и предполагалось, нянь от чая отказался, напомнив о цели моего здесь визита. Было жаль прерывать милую беседу с Дейном, но толпа огламуренных мужиков меня не вдохновляла, поэтому я понуро кивнула головой:

– Снимай.

В этот самый момент крысявка, чей свободолюбивый дух не удержать стеклянной банкой, опрокинула стены своей тюрьмы…

Как вы думаете, что за полминуты может натворить кучка костей, умещающаяся в разобранном виде в стакан? Как оказалось на практике – многое. Перевернутый чайник – раз, покусанный Дейн – два, напуганная я, взобравшаяся на Верджа, так, что мои коленки были в районе носа некроманта, – три. Это не считая разбитых чашек, опрокинутых табуреток и икающего специалиста по гламурее.

Крысявка выглядела довольной донельзя, вышагивая генеральской поступью по центру комнаты.

– Слезь с меня, ик. – В сдавленном голосе Верджа отчетливо слышались матерные нотки, перемежающиеся с приступами икоты.

Я инстинктивно продолжала цепляться за шевелюру некроманта, не желая покидать относительно безопасный участок. Мне казалось – спустись я только на пол, меня обязательно тоже цапнут, как и Дейна. Покусанный, кстати, лежал на кровати с мученическим видом и баюкал продегустированную Алей руку.

– Я боюсь!

– А прятать Алю, ик, в банку ты не боялась? Ик!

И как только в этом «Ик!» уместилось столько возмущений?

– Оно как-то само получилось…

– Вот теперь за «само» и отвечай… ик! Ик! И отцепись от меня, наконец! Ик!

Я же продолжала изображать детеныша шимпанзе, мертвой хваткой вцепившегося в свою родительницу. Конечно, увидь мой бывший тренер вариацию комбинированной поддержки в данном исполнении, его хватил бы удар. Но привет из прошлого – держалась я настолько крепко, что некромант, несмотря на все свои усилия, снять меня не мог.

– Хорошо, давай ты у Али попросишь прощения, и она не будет тебя кусать. Ик!

– Мне просить прощения у кучи скачущих по полу костей?

– Тогда спускайся, если это всего лишь кости, ик! – парировал Вердж.

Але первой надоело наше препирательство, и она ткнулась лобастым черепом в ногу некроманта.

– Ай, ик! – выдал хозяин, чей питомец решил освоить «таранную» технику.

– Проси прощения быстрее, пока и я не впал в немилость, – порекомендовал Вердж пошатываясь.

– Хорошо-хорошо, убедил. Многоуважаемая Аля, прошу простить меня за ваше невольное пленение. – И, переведя дух, спросила у своего «насеста»: – Достаточно?

Крыса выразительно задрала череп, сверкая черными глазницами, в глубине которых теплились красные огоньки.

– Еще, – перевел хозяин «зверушки».

Собрав все ошметки дипломатии, выдала:

– Я искренне сожалею о случившемся, прошу меня нижайше простить и обещаю, что впредь подобных инцидентов не случится.

Крысявка смилостивилась, перестав злобно щелкать зубами.

– Извинения приняты, можешь спускаться.

Я несмело начала сползать с Верджа. После того как мои ноги наконец-то коснулись пола, некромант издал скорбный стон радикулитной бабки, весь день подсматривавшей в замочную скважину.

Место моего бывшего насеста пустовало недолго. Крысявка, проявив немалую прыть, тут же взобралась на плечо Верджа, надежно там обосновавшись.

– Дай гляну, что у тебя с рукой – предложила я Дейну.

Парень, по-видимому, почувствовав себя неловко, сразу стушевался, лишь промямлив, что сейчас встанет с кровати и сходит в медпункт. Статься, он был из тех, у кого слова с делом не расходятся, потому как едва только окончил свою речь, начал сползать с койки.

Вердж в наш короткий диалог не вмешивался, лишь хмурился и периодически икал.

После того как дверь за Дейном закрылась, некромант обратился ко мне:

– Так на чем мы остановились?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/nadezhda-mamaeva/popadanka-po-obmenu-ili-al-ma-mater-ne-nashego-mira

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити